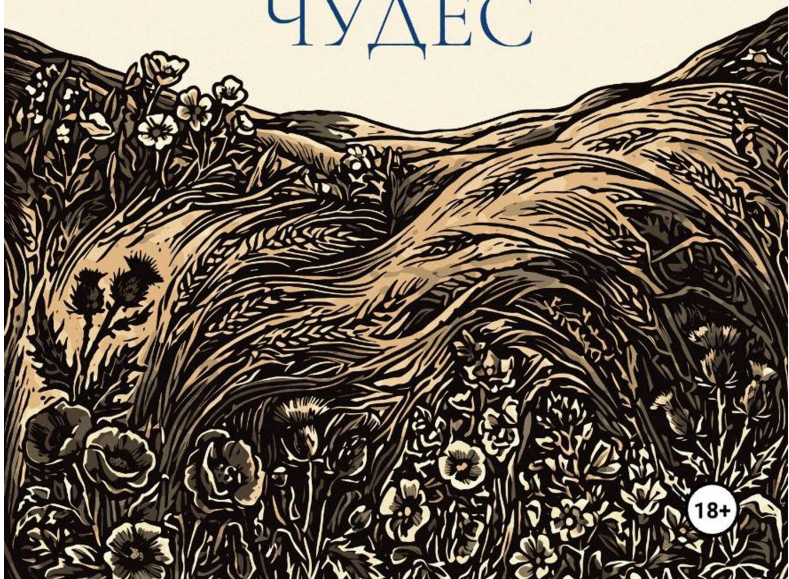

БОГДАМ БАЛЯСА

ДИКОЕ ПОЛЕ ЧУДЕС

18+

Богдан Баляса

Дикое поле чудес

<https://litres.ru/74135834>

SelfPub; 2026

Аннотация

Люди до сих пор не научились как следует предсказывать даже погоду.

И неудивительно — нельзя же знать все и сразу! Но они упрямы. И очень любят выдумывать связи между причиной и следствием. Даже если не очень получается.

Но вдруг случится наконец что-то прекрасное и они будут вынуждены разочароваться в своей хрупкой картине мира? Ведь тогда не нужно будет больше барахтаться в воде, стараясь удержаться на плаву. Тогда можно будет наконец выбраться на берег и сделать свой первый шаг.

Путешествуя по просторам Дикого Поля, герои постепенно осознают, как велика разница между фактом и истиной. Если они как следует поверят в нее, то научатся быть с миром на равных.

Содержание

Пролог	4
Часть I.	10
Глава первая	11
Глава вторая	22
Глава третья	40
Глава четвертая	55
Глава пятая	68
Глава шестая	79
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Богдан Баляса

Дикое поле чудес

Пролог

Первыми пришли запахи — поначалу привычные: тины, брожения, водных грибов, серы; а за ними и такие, что описать было решительно невозможно. Пахло вроде свежестью, железом, дождем... но и еще чем-то, что никак не поддавалось названию, — и все это одновременно. Хорошо пахло, приятно. Потом ожили руки — забегали, зашарили по чему-то холодному. Сжались кулаками из любопытства — и между дрожащих пальцев полезло мягкое. Мягкое, но совсем не жидкое! Это тоже было приятно.

И очень хорошо было бы вот так и жить дальше — потому что чувствовалось за всем этим нечто правильное и сильное. Но тут уж проснулось и все остальное тело — продрогшее и мокрое до самых костей, — а за ним пробудился и разум.

Дан открыл глаза. Глупо и капризно, как новорожденный, он уставился на свои руки, наполовину утонувшие в темноте. Осторожно надавил — словно ожидая, что темнота вдруг завздыхает, провалится, пойдет мелкой рябью... и поглотит

его всего с головой. Но ничего такого не произошло, и только тогда он наконец догадался. Это была земля! Суша. Твердь земная! Не сознавая, что делает, он инстинктивно оттолкнулся от скользкой пахучей грязи, да так отчаянно, что почти встал даже на ноги — но вдруг запутался в них и с плеском повалился спиной прямо в рыжую пену прибрежных волн.

Вода сразу встретила его едким холодным пламенем, вонзилась тысячами ядовитых иголок, скрутила члены в привычной судороге — и только тогда Дан наконец понял, как сильно было изломано и изранено его тело. Издав горлом чудной клокочущий крик, он тут же, на четвереньках, выполз обратно на сушу — да так и замер, зажмурившись в ожидании немедленного и жестокого покаяния.

Но ничего не происходило. Даже наоборот — острая боль, волнами мурашек бегавшая по всему телу, начала потихоньку затухать. Подул легкий ветерок, отчего снова стало холодно; неподалеку зашумел старый иссохший очерет. Дан не стал дожидаться, пока его ходившие ходуном руки и ноги окончательно онемеют и разъедутся в стороны, и осторожно опустился на бок, подложивши ладонь под голову. Где-то позади из-за туч выглянула луна, и в ее стальном сиянии теперь можно было разглядеть берег, шедший сначала полого, а сразу затем круто задиравшийся кверху. Тут и там торчали куцые островки очерета, поблескивали выброшенные на берег рыхлые обрывки студня. Чуть поодаль чернели обломки парусной байды, а между ними — изломанные тела его това-

рищей, лежавшие в совершенно неестественных для людей позах. По меньшей мере для людей живых.

Дан уже видел такое раньше, и не раз. Рыбаки, чудом пережившие бурю, иногда возвращались обратно — скрюченные, какие-то словно бы вжатые сами в себя. Тогда он старался обогнуть их взглядом, поспешно вернуться к работе, оживленно заговорить с товарищем, чтобы не замечать их, — и так делали все остальные. Хуже всего приходилось их родственникам — ведь бывало, что эти несчастные протягивали целую неделю, а то и больше. Забивались в угол, поджавши непослушные ватные руки к животу, и всё глазели. Молча, с каким-то даже снисхождением.

Дан зажмурился, да так, что перед глазами поплыли разноцветные пятна; упрямо замотал головой и поднялся на ноги. А вдруг оно случится вот прямо сейчас? То, чего он так долго ждал. А он так и не узнает... Нет уж, ложиться было еще не время.

Земля под ногами совсем не качалась, не подрагивала, и вообще — казалась совершенно неподвижной. От этого приходилось изо всех сил держать равновесие, широко расставляя ноги. Но куда хуже ему пришлось дальше — когда он наконец добрался до насыпи и полез. Мокрая почва не пускала, сбрасывала обратно, сердито чавкала и ухала, но Дан все лез и лез, упрямо задравши голову вверх, к серому поблескивающему небу. Он хватался руками за гладкие, острые как бритва земляные растения и вырывал их с корнем, вгрызал-

ся ногтями в жирную черную грязь — и все-таки взобрался на самую вершину крутого берега.

Дан тысячи раз представлял себе этот самый момент. Представлял текущие вспять реки, хрустальные горные вершины, говорящие леса... Но настоящая земля оказалась совсем другой. В первую секунду у него даже перехватило дух — казалось, что прямо перед ним — слева, справа, спереди — разверзлась бесконечная пропасть. Даже не так; пропасть — это что-то черное, глухое, мертвое. А здесь было совсем по-другому.

В детстве он с друзьями часто взбирался на недостроенную каланчу и часами смотрел вдаль — туда, где вода соединяется с небом. В ясную погоду было отчетливо видно, как где-то там — далеко-далеко — водная гладь вздымается горой, поднимая линию горизонта все выше и выше; выгибается и нависает, как гребень гигантской волны. Маленький Дан оглядывался кругом, и всякий раз ему становилось страшно — ему казалось, что вода возвела вокруг него неприступную стену. Что он просто букашка, по случайности угодившая в огромный таз, в каком обычно готовят соленья.

А здесь, на суше, все было ровно наоборот: здесь на землю словно бы напирало само небо, заворачивалось где-то вдали, словно лист бумаги, изгибалось — и подбиралось чуть ли не к самым его ногам. Поэтому земля и не казалась плоской, как вода — ведь в ее бесконечных глубинах сверкали далекие звезды. Разве что совсем вблизи различалась высо-

кая волнующаяся трава да чахлые, осунувшиеся деревья — а чуть поодаль все уже сливалось в искристое ночное небо. Дан почему-то вдруг понял, что это и есть тот самый фронт, пересечь который он уже никогда не сможет.

В глазах потемнело, и он опустился на дрожащих от слабости ногах на землю. Оставалось одно, последнее дело. Пусть у них и не вышло, но следом обязательно приплывут новые исследователи, новые бунтари и беглецы. Ведь не может же быть, что все они пропадут зазря; не может быть, чтобы все, что они знали о земле, оказалось правдой!

Он снял с шеи маленький мешочек растительного волокна и начал старательно его трясти. По подозрительно притихшей равнине пронесся чистый мелодичный перестук. Наконец в холодном лунном свете блеснули две игральные кости сложной многогранной формы, упали на плоский гладкий камень и тут же застыли на месте, ни разу даже не перекатившись.

Дан скрипнул зубами — выпало две единицы. Он помедлил перед следующим броском, и лицо его при этом сделалось каким-то сконфуженным. На самом деле, на этом можно было уже и прекращать, но он все на что-то надеялся, сам стыдясь своего малодушия. Кости снова сверкнули своими корундовыми боками, и снова замерли, пригвожденные к камню, словно магнитом. Дан отчаянно выругался и принялся выбрасывать их раз за разом; он бросал и так, и эдак,

бросал по очереди и бросал с закрытыми глазами — и каждый раз на него насмешливо смотрели две неровно выщербленные черточки. Он уже перестал проверять результаты и просто иступленно продолжал — пока наконец две кости — столь прочные, что их нельзя было разбить и большим кузнечным молотом — вдруг не столкнулись друг с другом в воздухе... и не рассыпались на мелкие осколки.

Тогда Дан вяло рассмеялся и лег прямо в колючую, остро пахнущую траву, прижавши свои ослабевшие скрюченные руки к животу.

Часть I.

Водою сыт не будешь

Глава первая

В стене древнего домика на колесах, насквозь проржавевшего и истлевшего, имелось отверстие. Конечно, далеко не одно — отверстий было много; и вообще, держался он, казалось, исключительно благодаря вековым слоям краски, нанесенным один прямо поверх другого. На самом же деле краска была ни при чем — вся конструкция балансировала до сих пор по одной лишь чистой случайности.

Через отверстие внутрь домика вдруг пробился лучик полуденного солнца и улиткой пополз по склону неопределенной груды тряпья. По пути он то и дело выхватывал из полумрака застывшие в воздухе пылинки, и те сверкали, будто алмазные. Наконец лучик добился своего — добрался до крепко закрытых глаз своей жертвы, мирно посапывающей и ни о чем не подозревающей. Жертва скривила гримасу и была вынуждена сдаться.

Ми Ра рывком села, свесив ноги с койки, и первые секунды лишь неодобрительно щурилась, поправляя мятые, стоящие со сна торчком золотистые волосы. Если присмотреться, можно было заметить, что в помещении вообще все стояло торчком: растрепанные по столу листы бумаги каким-то чудом балансировали на своих торцах, сброшенные на пол кисти топорщились ворсом вверх, словно солдатика на пла-

цу, а под небольшим мутным окошком образовалась целая башня из сухих, занесенных с улицы золотистых листьев.

Это все была вчерашняя буря, пришедшая с заката — она вынырнула из-за гребня далекой сизой воды на горизонте, скатилась с нее, словно с горки, и волной пронеслась по всему Полю. Потом, в полночь, она снова покатится обратно, в воду, — и опять вернется на сушу; так будет продолжаться три ночи и два дня. И ничего не было в этом особенного — Ми Ра знала про нее заранее и даже успела навеститься в теплицу, подготовив ее к нашествию стихии. Но уже к ночи, стоило урагану лишь на время утихомириться, стало ясно: что-то он с собой принес; что-то доселе небывалое и чужеродное. Как человека, проглотившего по случаю зловредного микроба, так лихорадило и Поле, и проявлялось это решительно во всем. Вдоволь намучившись в мастерской с неожиданно отсыревшими порошками, сбрендившими магнитами и свое нравными маятниками, Ми Ра решила отложить все вопросы на завтра и как следует выспаться. Даже чая перед сном не удалось выпить — керосинка все время гасла, а крышка чайника при этом почему-то жалобно и тонко позвякивала.

Ми Ра прислушалась — и точно, из кухни и теперь то и дело доносилось тихое железное дребезжание. Тогда она резко соскочила с койки, стукнув пятками по дряхлому деревянному настилу, и домик вдруг ожил — все вокруг суетливо задвигалось, зашуршало, зазвенело, возвращаясь на прилич-

ные для себя места и положения. Одна лишь башня из кле-новых листьев осталась стоять неподвижно. Ее Ми Ра реши-ла пощадить — в качестве украшения для спальни. Чайник испуганно взвизгнул и наконец умолк.

С неохотой умываясь и приводя себя в порядок, Ми Ра отстраненно заметила, что Моки в домике не было — ни в обычном своем кресле у входа, ни на кухне.

— И охота же в такую погоду гулять, — сварливо пробур-чала она, старательно моргая слипающимися со сна длинны-ми ресницами.

И тут же, несмотря на свое собственное замечание, при-нялась собираться. Надела новенькие, только-только из Го-рода, сапожки, накинула дождевик и нетерпеливо присела на дорожку. Такая была у нее традиция — очень полезная и удобная, здорово экономящая силы и время.

Но стоило ей лишь слегка приоткрыть взревевшую ржа-выми петлями входную дверь, как в лицо тут же ударил яр-кий солнечный свет и по телу пробежала приятная теплая волна; потянуло свежим пахучим ветром, какой бывает од-ной лишь поздней весной. В глухой хламиде дождевика сра-зу стало душно, а Ми Ра все стояла и стояла, внимательно рассматривая хорошо знакомый пейзаж. На синем небе не было ни единого облачка; по нему ползли сразу два золотых солнечных диска, отчего земля под ногами уже почти высох-ла, — но все же Ми Ра не спешила с выводами. Сейчас совер-шенно точно должен был буйствовать ураган: полыхать язы-

ками пламени в глубинах черных туч, стелиться по дну оврагов серебряной паутиной молний, сносить молодые деревца косыми лучами ливня. Он должен был быть прямо сейчас — и тому имелось много, гораздо больше свидетельств, чем тому, что его все-таки не было.

И все же никакого урагана не было. Помедлив в нерешительности, Ми Ра вернулась в домик — скинуть дождевик и переобуться; заодно пришлось заново присесть на дорожку. От ее прежнего раздражения не осталось и следа. Напротив, ее глаза теперь горели любопытством — то, что раньше казалось ей всего лишь досадным недоразумением, вдруг превратилось в вызов.

Спустя несколько минут она уже бодро шагала по широкой просеке в сторону площади, помахивая перекинутой через плечо холщовой сумкой. Откуда-то из густых придорожных зарослей вдруг вывалилась Мока, поравнялась с ней шагом и деловито двинула рядом, не произнеся ни слова. Ми Ра крикнула. Вот ведь кажется — увальень увальнем: качается на ходу, как пивная бочка, тяжело сопит, просыпается с закатом... А ведь в кустах этих, из которых она только что выбралась целой и невредимой, каждый листик — лезвие; они даже позвякивают на ветру, словно хрустальные. Ми Ра сама старалась обходить эту напасть стороной — благо, рядом всегда росли папоротники; почва вокруг папоротников бродила, отчего во всей округе все начинало усиленно цве-

сти, причем иногда и сами папоротники, а из-за этого... В общем, пропустить их было никак нельзя.

— Я вчера книгу дочитала, — с вызовом заметила Ми Ра, обращаясь к спутнице, — новую.

Мока скучаяще скосила на нее глаз и ничего не ответила.

— Молчишь, — удовлетворенно кивнула Ми Ра, — Думаешь, в книгах одна ерунда. Выдумки всякие.

Тут она замялась, потому что в целом так-то оно и было, — но вчерашняя книга оказалась неожиданным исключением. Она принялась вспоминать цитаты из нее — особенно удачные и меткие, по ее мнению:

— Где тонко, там и рвется! Не было б счастья, так несчастье помогло... В тихом... эмм... болоте черти водятся!

Видя, что мудрые афоризмы не производят на собеседницу никакого впечатления, Ми Ра перешла к козырям. В ход пошла почти непереводаемая «Ах, да руками мах», лаконичная «Как будет, так и будет» и даже сомнительная по смыслу «Дуракам везет».

Мока все так же молча косилась на нее одним глазом, теперь уже с какой-то унылой укоризной. Наконец Ми Ра умолкла, вконец запутавшись, потому что в книге, наряду с хирургически точными «Раз в год и палка стреляет» и «Водою сыт не будешь», попадались и откровенно бессмысленные — такие, как «Жизнь прожить — не поле перейти» и даже «Не думал, не гадал, а помер».

Они остановились перед пустынной каменной площадью.

Когда-то здесь буйствовал сплошной ковер из цепкого ползучего бурьяна — он хватался за ноги, моментально запутывался в узел и намертво удерживал добычу, мучая ее своим острым мускусным запахом... Обходить все это дело было настолько неудобно, что вмешался Мэй Роун со своими шка тулками, — и с тех пор на площади вот уже который год не прорастало ни единой травинки. Остался один сплошной камень, весь в продольных трещинах и рыжих железных пятнах.

Помнится, он когда-то настаивал на том, чтобы его называли через повседневную, бытовую приставку «Ми» — Ми Роуном. Ми Ра поначалу артачилась, а потом перестала, — но не потому, что согласилась на такую фамильярность, а потому что с тех давних пор они вообще больше не разговаривали. По крайней мере вслух.

Каждый раз, навещая его, она все надеялась, что он вдруг снова откинется в кресле, закинет ногу на ногу и затаит бесконечную байку своего времени. Ми Ра не поймет решительно ничего — и все же потребует продолжения истории, а он усмехнется вот эдак и обязательно скажет: сама, мол, увидишь. Снимет с верхней полки над столом пыльную шка тулку и ювелирно точным движением что-то там подкрутит.

Вот и сейчас, когда от жилища Мэй Роуна ее отделяла лишь голая неприветливая площадь, она, как всегда, надеялась. Вот бы про ураган рассказал! Ну или хотя бы про теплицу, или даже про эти свои Нии... Пусть хоть бы и не сло-

вами, хоть как — лишь бы послушать, может, сказать что-нибудь; возразить там или добавить, неважно!

Мока качнулась и тяжело шагнула на выщербленную каменную плиту. Выходит, они уже отстояли положенные полминуты и можно было двигаться дальше.

Крепость Мэй Роуна мало чем отличалась от всех близлежащих построек. Приземистое и длинное, словно барак, строго прямоугольное здание. Серые каменные стены, чернеющие слепыми провалами окон, колышутся волнами живого плюща. На первый взгляд могло показаться, что и внутри нет ничего примечательного. Все то же, что и везде — пыльный полумрак с редкими островками света из провалившегося перекрытия, мелкая керамическая крошка под ногами, скрюченные колонны.

Но это если посмотреть снаружи — допустим, в окно. А стоило только зайти внутрь, как сразу остро чувствовалась та особая атмосфера, которой было пропитано всё в жилище Вечного. Здесь стояла вечная глухая тишина — будто бы все поверхности были обиты мягкой тканью. И запах — ветхий древесный запах старых книг.

Мэй Роун обнаружился там же, где и всегда — в просторном, ярко освещенном рядом высоких окон зале. Неизвестно, чем ему приглянулась эта комната. В ней, по большей части, ничего такого не было — большой стол с полкой, пара стульев, да все то же пыльное крошево вместо пола. Разве что на стенах каким-то чудом сохранились обои — бежевые,

в мелкий коричневый горошек.

Ми Ра пригляделась повнимательнее и чуть даже не споткнулась — в руках у Роуна действительно была шкатулка! Та самая, старая и пыльная шкатулка с верхней полки, так хорошо знакомая ей с детства. И ведь и сидит так же — закинувши ногу на ногу и сгорбившись; чуть ли не носом в колени. Ми Ра шумно выдохнула инстинктивно замерший в груди воздух и уселась на свободный стул. Стул скрипнул очень тихонько и деликатно, но это он зря; осторожничать надобности не было. Когда Мэй Роун вот так вот колдует над шкатулкой, ничто на свете не способно его отвлечь. Даже Ангел. Лично однажды видела.

Ми Ра тряхнула головой, старательно разгоняя воспоминания, и принялась наблюдать за волшебством. Она примерно понимала, как работают шкатулки, но сам процесс их настройки — а вернее сказать, расчета — оставался для нее феноменом решительно невообразимым. Длинные пальцы Мэй Роуна носились по скрипучей деревянной коробочке; что-то там нажимали, подкручивали какие-то колесики — и все это с такой бешеной скоростью, что в глазах рябило.

Он сидел прямо перед ней и, казалось, смотрел на нее в упор. Но об этом можно было только гадать — голову его, как и всегда, полностью покрывало полотнище грубой ткани. Кажется, на нем был даже вышит какой-то узор, однако за бесконечно долгий срок ношения все детали смазались в сплошной неопределенный цвет.

Минуты шли, а ничего не происходило. В комнате стояла плотная мягкая тишина, в которой тем не менее различалось множество ее оттенков. Это была ненастоящая тишина: слышалось и тихонькое потрескивание, исходившее из недр шкатулки, и цоканье Моки, нетерпеливо топтавшей у порога, и целая палитра шума деревьев за окном. Там уж и побрякивало, и похрустывало, и даже слегка подвывало. Ми Ра опять ненароком вспомнила про Ангела, — и тут же тишину, пусть и ненастоящую, разрезал высокий пронзительный свист.

Ми Ра вскочила на ноги и в отчаянии схватилась за голову. Тут же всплыла цитата из книги: «Не буди лихо, пока оно тихо». А свист все нарастал и нарастал; вот он достиг своего пика, стал захлебываться, задыхаться... Но более ничего не происходило. Роун все так же сидел, погруженный в работу; Мока равнодушно смотрела в сторону. Тогда Ми Ра осторожно заглянула в соседнюю комнату — шум исходил именно оттуда — и увидела чайник, подпрыгивающий на месте и злобно плюющийся паром. Рядом стояли две пустые чашки.

И вот так ведь здесь всегда. Едва переступая порог жилища Мэй Роуна, она как будто слеpla, переставала видеть самое очевидное. Словно малое дитя, она начинала рассусоливать по малейшему поводу: «Вот случилось что-то, а дальше оно может либо так пойти, либо эдак»; одно следовало из другого и переходило в третье, превращаясь в целую простыню равновероятных и совершенно бесполезных вариан-

тов. По итогу же она каждый раз глупила и всячески позорилась перед Мэй Роуном. Вот как теперь — ведь видел же, все видел, — даром что лицо у него прикрыто.

Он закончил со шкатулкой как раз в тот момент, когда чай остыл до идеальной температуры, и молча принялся пить — прямо так, не откидывая своего полотнища. «Ох и баня у него там», — подумала Ми Ра. Тогда он словно подслушал — да что уж там, наверняка подслушал — и откинул свою хламиду.

Глаз он, конечно, не открывал, и потому лицо его казалось совершенно обыкновенным и даже скучным. Такие вот лица, наверное, получают со временем у любого мужчины — вытянутые, усталые, но все же довольные тем, что их наконец оставили в покое.

«Какой же он все-таки старый», — подумала вдруг Ми Ра и сама себя одернула. Конечно, старый, он же вечный; каким ему еще быть? Мэй Роун опять подслушал и подмигнул ей закрытым глазом, после чего залпом допил остатки чая и даже сказал:

— Ух!

Но на этом вся его речь и закончилась.

Они потом еще долго так сидели, молча. Роун наконец обратил внимание на Моку, и та с неожиданной для ее комплекции прытью носилась вокруг него кругами, прижав уши и размахивая огромным пушистым хвостом. От этого в ком-

нате получался сквозняк, и из стола то и дело выпадали самые неожиданные предметы: какие-то картонки с изображенными на них страшилищами, свежие дубовые листья, прозрачные мешочки тончайшей материи. Тогда Ми Ра подбирала их и терпеливо возвращала на место.

Внезапно Мока замерла на месте, беспокойно поводя мокрым носом по ветру; деревья за окном тоже затаились — и наконец-то стало тихо. Вот теперь — по-настоящему. Ми Ра обернулась к Роуну, но тот, кажется, спал — по крайней мере ничем не выдавал обратного. Тогда она подошла к окну и внимательно вгляделась вдаль.

В самую даль заглянуть не вышло — горизонт вдруг приблизился, сделался плоским и прямым, как палка, а Поле и вовсе таяло прямо на глазах. Со стороны воды на него перла плотная серая масса тумана и все давила, подминала его под себя — как-то механически, словно огромное безмозглое чудище. Похоже, возвращалась буря, — а вместе с ней возвращался и привычный уклад вещей.

За мгновение до того, как скрылось за тучами сначала одно, а потом и второе солнце, Ми Ра зажмурилась, как будто в знак протеста — и перед ее глазами отпечатались картина безбрежного Дикого Поля.

Глава вторая

Теперь, щедро залитая солнечным светом, земля совсем не походила ни на пропасть, ни на ночное небо. Могло даже показаться, что она немногим отличалась от воды. Все те же зеленоватые волны, лениво гонимые ветром по бесконечной глади, все та же золотистая дымка, размывающая высокий горизонт. Вон даже что-то сверкает на солнце — точно как хрустальные шпильки на воде. А главное — у земли тоже не было берегов. Куда ни посмотри, как высоко ни заберись.

Но земля не была плоской. На воду сколько ни смотри, как близко ни наклоняйся — ничего такого не вымотришь. Тут же в глубинах янтарного тумана прятались широкие балки и крутые каменистые яры, гребни изумрудных волн рассыпались букетами разнотравья и яркими брызгами цветов.

Дан машинально приложил руку ко лбу, закрываясь от солнца, и острая жаркая боль выдернула его из оцепенения. Он вздрогнул и с недоумением уставился на свою ладонь. Вся в катышках облезшей кожи; пальцы перемазаны свежей кровью. Ерунда — просто ожоги от воды, раскалились под палящим солнцем. Это ничего, это заживет... «Живой», — думал Дан с каким-то недобрым злорадством, спускаясь с насыпи на берег. Там, за редкими зарослями очерета, видне-

лись фигуры его товарищей, слышались их тихие голоса. Он стиснул зубы. И эти живы... Теперь вечно жить будут. Всех переживут!

Кац и Кир сидели на узкой косе, устланной мертвым желтым очеретом, и тихонько переговаривались вполголоса. Кая снова спала. Нормально спала, по-человечески — руки сомкнуты на груди, под головой — скомканная на манер подушки сеть. Перед глазами у Дана тут же всплыли образы ночного кошмара — скрюченные в клубки, как у мертвых пауков, конечности, вывернутые головы на резиновых шеях... Он взглянул на открытое, совсем еще детское лицо Кира, который заметил его, и теперь оживленно махал рукой. Нет, никогда и никому он этого не расскажет — не сможет.

— Ну, что там? Видел, да? Видел, значит? — затараторил Кир, но тут же осекся, наткнувшись на застывшее лицо Дана.

— Ты, — Дан проигнорировал паренька и уставился на Каца, — что это делаешь?

Тот что-то сосредоточенно жевал, постреливая исподлобья колючими черными глазками; не спеша проглотил и объяснил:

— Кушаю, Дан, обедаю.

Теперь было видно, что в руках у него что-то расплзлось и подрагивало, то и дело поблескивая на солнце. Дан вдруг расвирепел:

— Студень?

Кац как ни в чем не бывало откусил крупный кусок мутного, с прожилками, желе и принялся жевать. На зубах у него тошнотворно заскрипел песок. Дожевав, он деловито заметил:

— У нас в семье говорят «холодец». Да ты не кипятись, его тут порядком...

И гаденько перекосясь в усмешке. Тогда Кир, то и дело беспокойно оглядывающийся, решительно вмешался и начал мямлить:

— Дан, ты это хорошо, что вернулся... Потому что нельзя туда ходить! Мы проверили, — он виновато развел руками, — у Каи кости были. Мои, значит, водой того, а вот у нее остались. А тебя нет и нет — мы и решили узнать, что тут да как тут... А оно...

— Знаю, — рывкнул Дан, продолжая смотреть исключительно на Каца, — знаю. Но к чему это свинство? У нас есть нормальная еда. Я нашел сумки!

Кац хмыкнул, глядя куда-то в пространство, и принялся сооружать из камыша что-то наподобие матраса. Кир же вдруг перестал оглядываться, как-то весь сник и тихо сказал:

— Дан, дак ведь правда все. Не повезло нам, нельзя тут жить.

— Хуже, чем на открытой воде в бурю, — подтвердил Кац, — хуже, наверное, чем в руинах даже. Удивительно, что здесь холодец с неба не падает.

— Удивительно, что мы живы, — услышался вдруг рез-

кий хрипловатый голос Каи. Она уже повернулась на бок и теперь смотрела на них в упор немигающими карими глазами. При этих ее словах Дан вздрогнул, а она между тем продолжала:

— А должны были умереть. Такие бури еще никто не переживал.

— Успеется, успеется, сестренка! — Кац наконец устроил себе спальное место и теперь с хрустом потягивался в нем.

— И поделом, — назидательно заметила Кая, повернулась на спину и уставилась в небо.

Дан устало опустил голову в очетет. Ладно эти двое, порода у них такая, но Кир...

— Кир. Айда за сумками смотаемся. Там провизия. Вода. Ты не бойсь, они недалеко совсем, тут сразу за насыпью поле — огромное! Так вот они за деревья зацепились... Вдвоем управимся!

Кир молчал. Очень ему хотелось посмотреть и на настоящие деревья, и на поле — прямо по лицу видно было. Он было уже неловко заулыбался, явно выдумав себе отмазку, но Дан вдруг вспомнил:

— Инструменты твои! Разберемся основательно, что тут к чему... Ты же так об этом мечтал!

Кир дрогнул и посерьезнел. Немного подумав, он осторожно заметил:

— Огромное — это, значит, степь...

Но тут Кая снова повернулась на бок и сказала:

— Тут солнца два.

Все задрали головы, и Дан беззвучно чертыхнулся. Кир сразу же съежился, а Кац посмотрел на сестру чуть ли не с восхищением.

— Было уже такое, — бросил Дан с притворным равнодушием, — лет десять назад. Все еще тогда думали, что они оба настоящие. Помнишь, Кир?

Кир нахмурился, припоминая, но тут же встрял Кац:

— Я вот такого не помню, — заявил он, явно довольный собой. — Не было такого.

Он помолчал, ожидая реакции; не дождался и наконец вспыхнул сам:

— Да чего ты мечешься как черт знает что! Ты ж тоже кости бросал, да?

Дан молчал. Кац махнул рукой:

— Да конечно бросал... Вот и Кир бросал. Хочешь знать, что вышло? Пожалуйста, я запомнил, — он начал загибать пальцы, — один-один. Один-два. Один-три. Один-четыре. Один-пять. Один...

— Прекрати, — глухо сказал Дан.

— Ааа, — кривляясь, протянул Кац в ответ, — ага. А знаешь, я тоже потом попробовал, — он помолчал для пущего веса, — день рождения мой выпал — три раза подряд, понял? Или, может, у тебя по-другому? Может, тебе буквами выпало? «Пожалте, мол, не извольте беспокоиться»?

— Дан, — вмешался Кир тоном уже почти просительным,

— ну что мы с таким-то случаем сделать можем? Тут не то что идти куда, тут вздохнуть лишний раз боязно... А сумки, за ними лучше не ходить; они все равно уже без пользы нам будут — и вода, и еда уж наверняка попортились...

— Да улетели уже ваши сумки... — пробубнил Кац, отворачиваясь лицом к воде, — на крылышках да в сине небо.

Наступило молчание. Дан знал и понимал: все, что они говорили, — правда. Единственная и неопровержимая — та самая, против которой не попрешь. А он никуда уже и не пер. Сил у него больше не было — переть.

Дан сел, оперевшись о большой камень, и принялся его разглядывать. Никакой это оказался не камень — просто грудa пленяка, слой за слоем нанесенного волнами. Верхние слои еще не успели как следует просохнуть, и слегка пружинили под пальцами. Дан закрыл глаза и постарался ни о чем не думать.

— Какие же вы сволочи, — ни с того ни с сего прошипела Кая, — только о себе и думаете. Мы вообще так не договаривались! Вот куда вы лезть собрались? Вляпаетесь во что-то, а оно потом возьмет и сразу весь город накроет... Исчезнет город, не успеет. И что тогда?

Хилые малорослые волны угрожающе шипели, ядовито пузырились и в бессильной ярости набрасывались на берег. Но в ответ им раз за разом слышался лишь звонкий молодецкий хохот очерета да сдавленное бульканье черной пахучей земли. Тогда что-то в глубине волн закипало, на поверх-

ность вылетал небольшой фонтан горячих брызг, — и берег гоготал пуще прежнего.

— А ничего, — услышал Дан свой собственный голос словно бы издалека. — Не успеет и исчезнет. А больше — ничего.

Ему вдруг подумалось, что это с них, с него, — а совсем не с воды смеялся очерет; да и сами волны теперь шипели отчетливо издевательски. Немного поколебавшись, он поднялся на ноги и побрел к насыпи, стыдливо опустив голову. Он чувствовал на спине взгляды своих товарищей. Кац наверняка насмешливо прищурился, Кая закрыла глаза, а Кир понурил голову, — но все же никто его так и не окликнул.

Сумки никуда не улетели; все так же покачивались на голых ветвях каких-то округлых карликовых деревьев. Их там много росло — целый гай, узкой серой змеей уходивший далеко под горизонт.

В книгах, которые читал Дан, герои всегда колебались перед принятием важного решения, переходом через решающую границу, — и это обязательно оборачивалось для них какой-нибудь бедой. Он же медлить не стал — просто свесил с крутого обрыва ноги и оттолкнулся. По лицу больно захлестали упругие стебли, остро запахло примятой листвой, а он все катился и катился куда-то вниз, в бездонные зеленые пучины. Наконец, перекинувшись через бок и больно ударившись обо что-то твердое, что скрывалось в густой зелени,

Дан очутился лежащим навзничь посреди дикого поля.

Со всех сторон нависали невесомые воздушные колосья; легкие нити осторожно щекотали лицо, поглаживали воспалившуюся от ожогов кожу, — и это было приятно. Казалось, они все плотнее и плотнее смыкаются своей тонкой серебряной паутиной над его головой, закрывая его от синего неба и палящего солнца. И тогда, помимо всякой воли, сработал инстинкт — Дан резко выпрямился и вынырнул на поверхность.

Насыпь, казавшаяся со стороны берега небольшим пригорком, теперь возвышалась непреодолимой громадой, за которой не было видно ни берега, ни воды, ни даже неба. А ведь про это он тоже читал в книгах, да забыл: после шага в пропасть пути назад уже не бывает.

И не зря он все-таки сравнивал землю с водой — идти по пояс в этих густых зеленых волнах оказалось ничуть не легче. Правда, чем дальше он отходил от насыпи, тем реже и ниже росла трава, тем шире и свободнее делался его шаг. Растения точно охраняли границу от непрошенных гостей, сомкнувшись у ее подножья плотными рядами.

Наконец высокая трава кончилась вовсе и Дан вышел на широкую прогалину. С высоты она казалась ему просто голой, изъеденной сероватой плешью почвой; теперь же стало видно, что все здесь сплошь заросло плотным цветочным ковром. Таких цветов он не видел ни в одной книжке — всё черные, жирные и маслянистые, будто бы вовсе не живые.

Эх, сюда бы Кира; он бы уж объяснил, что это да почему оно такое. Тут Дан вспомнил, что цветы должны пахнуть, — наклонился, осторожно понюхал.

И опять почему-то вспомнились книги. Даже не то чтобы книги, а что-то про библиотеку, что-то из далекого прошлого... Он машинально вдохнул запах полной грудью. И вдруг скрутило и вывернуло наизнанку живот, что-то тяжелое зависло в груди, захотелось тонко и жалобно завывать.

Запах оказался не просто знакомым, не просто запахом городской библиотеки и старых истлевших книг. Это был совершенно определенный запах — мокрого, пропитанного маслом и дымом большого журнала «новейшей и иллюстрированной энциклопедии садовых культур».

В тот день должен был начаться новый учебный год. Пятый для Дана и Каца, а для Кира — второй. Но вместо того, чтобы корпеть над учебником по ненавистой химии — главному предмету семестра, — все они дружно и с энтузиазмом с самого утра таскали через весь город крашенные листы пленяка. Сновали между хмурыми, дергаными взрослыми и радовались всему этому совершенно бессовестно.

Это разбирали весь юго-западный квартал. Там в основном были лишь старые бараки, в которых жили своей обособленной общиной рыбаки. Ночью перед этим случилась большая гроза — и с рассветом на главной площади уже столпилось все население квартала — все как один с

каменными грубыми лицами, молчаливые и неестественно спокойные. Другие взрослые сначала долго ругались и махали руками, но потом вернулась группа замерщиков. Вот тогда-то все и нахмурились, задержались.

Уже через несколько часов город бежал. Бараки на юго-западе разбирались в считанные минуты, а на противоположном его крае уже наскоро возводились керамические опоры фундаментов. Всё, от самого маленького мостика до центрального понтона площади, заполнилось деловито снующими людьми — словно муравьи, они слаженно тащили на себе листы пленяка, слюдяные пластины и грязные строительные мешки.

К вечеру от плотной застройки не осталось почти ничего. Лишь отдельные дряхлые здания, пленяк которых был уже ни на что не годен, намертво закрепленные мостики да частокол черных мертвых свай.

— Вот эту ленту, — Дан указал на красную полосу, преграждающую выход на основной мост пустующего теперь района, — я видел раньше на самой окраине. Эту вот, понимаешь? Ее просто перенесли и повесили сюда. Потом ее опять перенесут, уже на площадь, а потом — прямо к твоему дому!

— И вся недолга, — охотно согласился Кац. — Вот такой предел наших нынешних сил.

Дан с силой швырнул осколок слюды жабкой. Тот сначала прыгал уверенно, но как только приблизился к ближай-

шей свае, вдруг подпрыгнул вертикально вверх и бессильно плюхнулся в воду. А Кац тем временем продолжал:

— И библиотеки больше не будет...

— Ну тебя, — перебил его Дан. — Здание оставили, потому что хилое оно. А там уже новое строят, я сам видел.

Кац не сдавался:

— Здание — да, — он выдержал недобрую паузу, — а вот книги все, что интересные, тут оставили. Одну химию забрали!

— Врешь...

— Ненужные они, сказали. «Не имеют полезной ценности», вот!

— Да ну врешь!

Кац совсем не рассердился:

— А вот давай на спор! Пойдем прямо сейчас и проверим. Все равно нет никого.

Дан опешил:

— Так там же уже...

— Да ну, — Кац скорчил гримасу. — На минутку заглянем, да и все. Ты же газетчиком хочешь стать — учись рисковать! Да и вообще, рыбаки в этом деле по уши плавают целыми днями — и живые, ничего!

— Живые, — проворчал Дан, поднимаясь. — Не больно-то они живые...

И через десять минут, плотно затворив за собой дверь библиотеки, они уже осторожно зажигали масляный фонарь,

который неизвестно где и как успел раздобыть Кац. Слабый зеленоватый язычок пламени всё больше трещал да сыпал искрами, чем светил. Но вот то ли фитиль в фонаре как следует пропитался, то ли просто привыкли глаза, — но вдруг из полумрака со всех сторон полезли книги. Они были везде — на столах, стульях и даже на полу; не было их в одних лишь, собственно, книжных шкафах.

Дан неуверенно шагнул к столу, протянул руку к огромному пестрому журналу, но тут пол под его ногами вдруг прогнулся и надрывно заскрипел. И сразу же после этого треснул — да так, что зазвенело в ушах; во все стороны полетели осколки пленяка, жалобно звякнул и погас фонарь, сильно запахло травяным маслом, а сам Дан полетел куда-то вниз, во внезапно наступившую черноту.

Но все очень быстро прекратилось. Только ушибленный локоть ныл и ноги жгло — чем-то холодным, колючим.

— Ты живой? — громким шепотом спросил Кац. — Ни черта не видно!

Дан хотел было жалобно замычать в ответ, но комната вдруг ярко осветилась, и по стенам забегали быстрые черные тени. Тут-то он и увидел, что пол под ним провалился и он по колено стоит в трюме, заполненном водой. Никогда до того он еще не промокал вот так — безнадежно и неотвратно. Какое-то отчаяние овладело им; он плохо помнил, как выбрался из горящей библиотеки, как бежал по шаткому мосту, глотая слезы. Наконец, уже перед самым домом Каца,

тот вдруг заметил, указывая ему на руки:

— Что ты в него вцепился? Давай выбрасывай! Будем по-малкивать, и никто даже не подумает на нас. Мало ли что случается за Пределом!

Дан опустил глаза и понял, что все еще сжимает в руках большой журнал «новейшей и иллюстрированной энциклопедии садовых культур». От него сильно несло маслом, влажной и гарью.

Вот какой запах был у этих цветов.

Дан отшатнулся и принялся беспорядочно оглядываться, слепо вращая по сторонам глазами. Он все еще видел, как плавилась крыша библиотеки; слышал, как жирные огненные капли с утробным рыком падали в черную воду; чувствовал едкий запах дыма. Казалось, еще немного — и он либо задохнется, либо сгорит заживо. Но вот по полю пробежал легкий ветерок, и в лицо пахнуло влажной цветочной свежестью. Дым и гарь пожарища исчезли без следа, а на их место пришли запахи воды, утреннего холода и жженой глины. Странно... Отчего же глиной?

А оттого, что у Кира дядя — рыбак. Совсем молодой еще паренек. Только учебу недавно закончил и сразу подался на промыслы. Добровольно, не по распределению — тесно, мол, ему в городе. И вот в первый же свой длительный отдых — который им, рыбакам, строго наказан — напился пьяным

да наобещал племяннику с три короба — на ялике прокатить, окрестности показать. И Кир молодчина, не сплеховал — тут же выпросил, чтобы и Дана с собой взяли.

Отплыли они спустя несколько дней; еще совсем затемно, чтобы никто не заметил. Дан к тому времени уже и надеяться перестал, — но слово у дяди Кира оказалось крепкое. Видно было, что очень не нравилась ему вся эта затея — тащить двух птенцов в открытую воду, за город. Его застывшее белое лицо то и дело беспокойно выныривало из серой предрассветной дымки, и Дан всякий раз смущенно отворачивался.

Но с каждой секундой робкое свечение на востоке все больше и больше наливалось силой и цветом. Вот уже стало видать Кира на корме — вцепился в транец обеими руками, судорожно пялится в горизонт; вот беззаботно зазеленел яркий крашенный борт. А когда кривая дуга горизонта подернулась теплым мягким золотом, тогда наконец оттаяли и пассажиры. Лицо капитана снова стало подвижным, он откинулся на лавке и принялся травить свои рыбацкие байки.

Все эти истории они с Киrom уже слышали, и не однажды. Все, кроме одной. Это была странная легенда, которая ничем определенным не кончалась и ничему понятному не учила. Главным героем в ней, конечно же, оказался рыбак, ходивший в самые-самые далекие плаванья.

— Ничего он на свете ни от кого не желал, не требовал и не ждал. Только чтобы оставили его наконец в покое, в ти-

шине... Рядом с ним всегда тихо было — да так, что не только всякая жизнь вокруг него замирала, но и вся суть любого предмета. Так, вода вокруг его лодки не только успокаивалась, как зеркало, но и, говорят, даже ходить по ней можно было смело — потому что теряла она все то, что у нее от воды было. Или даже по карманам рассовать ее можно было... да. Что вода, что студень там, ну или, значит, человек — все в такой полноценный порядок приходило, что и не отличалось ничем друг от друга.

Тут дядя Кира выпрямил спину, подпер подбородок кулаком и показал на себя рукой:

— А он только и делал все время, что вот эдак садился и размышлял о чем-то — неделями, а то и месяцами. Ну а народу хоть и страшно вроде, а любопытно — дергали его постоянно, спрашивали, просили о чем-то... Он тогда ушел далеко в воду, и построил себе хоромы гигантские — сплошь из хрусталя; целый город хрустальный возвел, еще и стражу приставил, чтобы ему думать никто не мешал. Тоже хрустальную, конечно...

Он как-то торжественно замолчал, пристально вглядываясь вдаль своим острым пронизательным взглядом, и вдруг принялся возиться со шкотом, спуская парус. Дан с Киrom переглянулись в недоумении и тоже устремили взгляды к горящей расплавленным золотом дуге горизонта.

А под ней ничего не было — только серая, почти черная вода. Ветер совсем стих, и лодка стояла на воде неподвиж-

но, словно на сваях. Шли минуты, и Дан с Киром уже начали недоуменно поскрипывать своими сиденьями — да и сам капитан вид имел несколько смущенный. Но тут наконец на гребень горизонта вскарабкался первый утренний луч солнца — и по лодке прокатился дружный вздох.

Над водой будто что-то взорвалось — тысячи и тысячи неправдоподобно белых вспышек слепили глаза, тут же выбивая из них слезы. Дан зажмурился и прикрыл лицо руками, но ничего за этим не последовало — ни удара, ни жара пламени. Осторожно щурясь, он приоткрыл глаза.

Казалось, что в небо уходили высоченные шпили и башни, окутанные причудливой паутиной мостиков; что тут и там громоздились массивные крепостные стены, сплошь утыканные острыми длинными зубцами... Свет проходил через прозрачный хрусталь, спотыкался об его бесконечные грани и рассыпался на выходе миллионами ослепительных искр. А до самой воды солнце все еще не доставало, и та так и оставалась лишь темным невзрачным холстом, плоским и мутным.

— Тихо! — шикнул капитан на племянника, раскрывшего уже было рот. — Слушайте!

Дан напряг слух изо всех сил. Над водной гладью лился тихий прозрачный звон; он все усиливался и усложнялся, превращаясь как бы в музыкальную мелодию... Но тут вдруг снова поднялся ветер — яростно налетел на ялик, обдал запахом жженой глины, засвистел в ушах...

Следующий могучий порыв чуть не сбил Дана с ног. Слепящее глаза хрустальное зарево тут же рассыпалось в мелкую крошку, и та развеялась по полю, затерявшись в мягких пушистых колосьях. Но вместе с ней разлетелись в разные стороны и мысли; остался один лишь ком в груди, а он только и делал, что давил да ныл. Впереди, совсем недалеко, раскачивались на ветру сумки — и Дан, помедлив, двинулся к ним прямо через цветочное поле. Он шел, но как-то уже совсем неохотно — будто бы это была лишь формальность, никому, в сущности, не нужная и не понятная. Сухой колючий ветер дул прямо в лицо, ноги путались в толстых упругих стеблях. Те иногда рвались неожиданно легко, как волоски; иногда рассыпались в порошок при малейшем касании, а иногда обвивались вокруг ступни и сразу становились совсем деревянными — тогда приходилось нагибаться и вырывать их с корнем. Корни пахли чем-то вяжущим, сладковато-приторным. Незнакомым. Дан на секунду прикрыл глаза — поле волновалось, колыхалось перед глазами. Мешало как следует сосредоточиться.

И зря! Хищные стебли тут же обвились вокруг ног мертвой хваткой, и он с размаху ухнул лицом в маслянистый цветочный ковер. Удара почему-то не последовало, вместо него вдруг послышался отчетливый всплеск. Со всех сторон накатили тяжелые душные волны запахов, и Дан медленно пошел ко дну. Он даже не пытался барахтаться. Просто лежал, перекинувшись на спину, и жадно хватал ртом воздух — как

рыба, выброшенная на берег.

Хотелось просто вернуться назад. Ведь что, в конце концов, есть? Горящая в ночи библиотека. Она точно есть — вон, все еще слышно, как кипит расплавленный пленяк, все еще бегают мурашки по обожженным водой ногам. И путешествие на ялике с Киrom есть — холодина какая, аж кости ломит...

Или вот еще: из сплошной стены свинцового ливня вдруг отделяется тонкая фигурка; рваными прыжками, пригибаясь и уворачиваясь, она забегает под темные каменные своды. Сначала придиричиво ощупывает себя и только потом наконец оборачивается. Совсем еще девчонка — мелкая, щуплая. Удивительно, но она почти не промокла — даже короткие, по плечи, золотистые волосы совсем не слиплись. Дан хочет ей что-то сказать, но натывается на ее взгляд — холодный, презрительный взгляд холодных голубых глаз — и лишь смущенно подмигивает.

Все это, наверное, тоже есть. Но вот поля — бескрайнего моря из суши, черной липкой грязи и пахучих зеленых волн — его нет... Да и быть не может.

И словно в подтверждение его слов чьи-то сильные руки резко вырвали его из зарослей и подняли на ноги. В нос ударила затхлая вонь старого забродившего студня. Это был самый неподдельный, самый настоящий запах на свете.

Глава третья

Дану снилось, что у него болит голова. Он был уверен: это оттого, что в нее вбивали гвозди. «Дон...дон...дон», — отбивал ровный ритм молот, звонко ударяя по шляпке гвоздя. Дан пытался увернуться, закрыть голову руками, — но от резких движений становилось только хуже.

— Дан. Дан... Дан. Ты меня слышишь?

Ровный, как метроном, скучный такой голос — вроде знакомый. Дан сразу понял, что голос не отступится, и принял решение проснуться.

Прямо перед ним сидела на корточках Кая, насупившаяся и в то же время безучастная ко всему вокруг. То есть самая обычная Кая — разве что ее черные жесткие волосы теперь были убраны назад и скручены в непривычный хвостик. А еще на шее висел какой-то грязный платок, от которого жутко разило кислятиной. Дан привстал, опершись на локти, и тут же почувствовал, что и у него самого на подбородке болтается какая-то тряпка.

— Не трогай, — быстро сказала Кая, предупредив его движение. — Вдруг опять понадобится.

— Что это? — Дан едва узнал свой голос, сиплый и высокий, — что называется, с петухами.

Девушка сжала губы в тонкую полоску и едва слышно про-

цедила:

— Кирова сорочка. Мы ее на полоски порвали и холодцом измазали. Порченым.

Дан прочистил горло, пытаясь сообразить хоть что-нибудь. Молотки в голове с его пробуждением никуда не делись.

— Но зачем? Мерзость...

Тут уж Кая уже не выдержала и задохнулась от бешенства:

— Ага, ну конечно! Теперь тебе память отшибло?

Он привычно проигнорировал ее порыв и начал старательно припоминать, что же все-таки произошло. Вспомнил цветочное поле, душный ком в груди... И запахи! Такие, что хоть воем вой. А потом суют в нос вот эту самую тряпку, и остается одна тошнотворная вонь. И девчонка эта под ногами путается... Какая такая девчонка? Под ногами путается Кая, вот.

Дан тоскливо осмотрелся. Неизвестно, на что он вообще надеялся, но увидел именно то, что и должно — серые в предрассветной мряке холмы, весело качающие тяжелыми головами колосья, уходящую вдаль полосу гая. Деревья теперь были совсем близко; около них возились бледные фигуры Каца и Кира. Кажется, они никак не могли совладать с ремнями сумок.

— Ловко придумали, — Дан скривил лицо от очередного гулкого удара по голове, — со студнем. Дух от него, конечно, крепкий. Но все-таки мерзость. Зачем было огород горо-

дить? Вытащили бы меня быстро оттуда, да и вернулись к берегу...

Кая скривилась в ответ и вдруг стала удивительно похожа на брата.

— Вставай, — вздохнула она, — времени мало.

И посмотрела куда-то сквозь Дана.

Солнце уже вышло из-за горизонта, но еще не доставало своим светом до земли — слепо сияло белым пятном, совершенно бесполезным в окружающем мраке. Как тогда, на лодке с Киrom и его дядей. Проследив за взглядом девушки, Дан обернулся.

В нескольких километрах виднелись неясные очертания насыпи. Она стеной опоясывала поле, четкой границей отделяя его от воды. Но теперь эта стена казалась жалкой и ничтожной — прямо над ней уходила в зенит колоссальная громада тучи. Темно-золотая в лучах рассветного солнца, она казалась гигантским занавесом, опустившимся с небес на землю.

Туча преследовала. Обернувшись на ходу, могло показаться, что та отдаляется, устав от погони; стоило же лишь на секунду остановиться, как мрачная непроницаемая стена тут же перла, прямо на глазах пожирая холмы, деревья и кусты. Тогда они убеждались, что туча лишь играет с ними в поддавки — она наверняка могла бы настигнуть их гигантским прыжком, да и проглотить одним махом.

Все содержимое сумок никуда не пропало и нисколько не испортилось. Кроме разве что хитроумных инструментов Кира — буря превратила их в груды бесполезных осколков. Есть совсем не хотелось, но вот вода пришлась кстати — Дан опустошил почти весь свой бурдюк. Сразу после этого голова прояснилась, молотки неуверенно стихли — и боль наконец ушла.

Под ногами пружинила низкорослая изумрудная осока — идти по ней было легко и приятно. Правда, вся она была пропитана водой, и после первых же шагов матерчатые сапоги Дана моментально промокли насквозь, но это были пустяки. Эта вода получилась из воздуха — и поэтому была совершенно безвредна. Она лишь громко чавкала да немного натирала пальцы.

Они все шли и шли, и никто не решался хоть что-то сказать. У каждого было слишком много вопросов, но ни у кого все равно не нашлось бы ни одного, даже самого жалкого, самого натянутого ответа. А туча между тем решила наступить с фланга — и мир по левую руку от них уже исчез, растворился в душной серости. Лица путников при этом померкнули так, что уже почти сливались с ней. Тогда Дан попробовал заговорить о прошлом — ведь это лучший способ сделать людей хоть немного добрее. Хотя бы на время.

— Я вот вспомнил, как у нас голодовка была, — начал он и осекся — настолько глухо и плоско прозвучал его голос. Будто в коробку говорил.

Кац посмотрел на него с некоторым любопытством и протянул подбадривающе:

— Ага!

Дан, поколебавшись, осторожно продолжил:

— Как мы тогда дали друг другу обещание. Вы его... помните хоть? Так вот мне кажется, мы теперь можем его исполнить. Да, теперь!

Кац ничего на это не ответил, но про время голода определенно вспомнил — потому что тут же полез в сумку, извлек оттуда плитку сушеных водорослей и принялся сосредоточенно их грызть. Лицо его, как всегда при этом, сделалось очень серьезным. Он вообще к еде относился основательно — ел старательно, много и часто. И, разумеется, оставался при этом худым как щепка.

Кая рассеянно обернулась и покачала головой:

— Ты что, правда... об этом сейчас думаешь?

Дан уже открыл было рот, но тут в разговор вмешался Кир. Он сдвинул брови, и от этого его мальчишеское лицо показалось неожиданно уставшим и блеклым — то есть взрослым.

— Дан, да о чем ты? Какое еще обещание? Ты это... не выдумывай!

Дан с раздражением обернулся на Каца, а потом на Каю, ища поддержки. Оба, конечно, молчали — один священнодействовал, другая просто не хотела говорить. Не люди, а хи-мера. Единины в двух лицах.

— Мы обещали, что дождемся, — Дан нетерпеливо махнул рукой в небо, — когда оно случится.

Тут Кац не выдержал, прыснул — и тогда Кир вдруг взбеленился. Такое происходило редко.

— Жуй молча! Обезьяна! И ты тоже... — На всякий случай обернулся к Кае, да только махнул рукой. После чего раздосадованно махнул и на Дана:

— Что ты, в самом деле, как маленький! Устроил потеху этим...

— Ну вот, — с сожалением протянул Кац, дожевав последний кусочек, — а я-то хотел узнать, каково оно будет. Ну, то, чего он ждет. Я вот лично думаю, что тогда вся вода в мире замерзнет, и все будут счастливы.

— Почему счастливы? И как так замерзнет? — глупо спросил Дан.

— Не знаю, — пожал плечами Кац, — замерзнет, и все.

Повисло молчание, и было слышно, как вода хлопает в каждом из восьми сапог. Но Кац — он такой: пока всех не переспорит и не убедит, не успокоится.

— Что же ты так ругаешься, — заметил он укоризненно, обернувшись к Киру. — Тут, между прочим, и не такое может случиться.

— Надеюсь, что не случится, — мрачно бросил Кир, уставившись в землю.

— А я вот не надеюсь! И ты это брось, — Кац покровительственно похлопал его по плечу, — надеяться.

— Мы уже понадеялись, — удовлетворенно добавила Кая.

— Замолкните, а? — огрызнулся Кир. — Жить от вас тошно.

Немного помолчал и добавил:

— Развели черт знает что такое... Вы что думаете, волшебное тут все, что ли? Наблюдать, значит, надо. Записывать. Разбираться! Вон Дана запутали как своей дурью...

Кац вдруг пронзительно расхохотался, — словно ворона раскаркалась.

— Наблюдать-записывать? Что же, приступим к наблюдению! Как там? «Мы, полагаясь на здравый смысл и логику»...

— ... «не верим в случай, но знаем, что можем его»...

— подхватила Кая, но замолкла, наткнувшись на бешеный взгляд Кира.

Кац же выбежал чуть вперед и полуобернулся к товарищам.

— Я так понимаю, вон на тот холм никто из вас, конечно, не смотрел и ничего такого не замечал. — Он покивал головой, — Тогда ладно. Тогда мы вот как.

Он наклонился на ходу, вырвал с корнем несколько невысоких серебристых растений и протянул их Киру.

— Вот, разбирайся, ученый.

Кир нехотя взял в руки хворост и угрюмо воззрился на него. Долго смотрел, злобно так, а потом сказал:

— Хмм!

— Что там? — вяло спросил Дан, заглядывая ему за плечо.

Кир дернул плечом:

— Да кажись, одинаковые. Один поменьше, один побольше, а так, значит, совсем одинаковые.

— А я тебе больше скажу, — заявил Кац, выдрал из земли очередную зелень и торжественно протянул Киру.

Теперь это был не просто полевой сорняк, а скорее росток молодого дерева — с плотной коричневой корой и крупными набухшими почками. И все же все три растения каким-то образом имели совершенно одинаковое строение. Разные по размерам, но в точности идентичные в пропорциях.

Кир все больше хмурился, а Кац сиял, довольный произведенным эффектом:

— Записал? Давай сюда, посадим обратно.

С этими словами он не глядя отшвырнул сорняки в сторону. Те описали в воздухе дугу и воткнулись в землю корнем вниз, как вкопанные. Будто бы в заранее подготовленные лунки. А Кац уже указывал рукой куда-то на землю под ногами.

— Вот, вот, снова! Вот это тебе как нравится?

Дан присмотрелся. Впереди, на мокрой черной земле, между нетронутыми стеблями четко просматривались следы восьми ног. Без сомнений, их следы — вон, кое-где даже треугольный след от шляпки гвоздя виднеется. Это у него на правом сапоге такой, в прошлом месяце подбивал.

Кир ахнул:

— Наши следы! По кругу ходим...

— А вот черта с два это наши следы, — спокойно и даже любезно объяснил Кац, — не ходили мы здесь.

Кир отмахнулся от него и на секунду задержался, пристально вглядываясь в отпечатки. Удостоверившись в совершенном их сходстве, беспокожно заозирался по сторонам. Дан тоже осмотрелся. Туча была совсем близко, в нескольких сотнях метров, — но теперь замерла на месте, заинтригованная оживленным спором.

— Наши, не наши — какая разница, — пробормотала Кая, устало опускаясь на корточки.

Кир не выдержал и огрызнулся:

— Какая разница? Вечно тут бродить собралась?

— Да я вообще никуда не хочу. Я устала. Я столько отродясь не ходила.

Тогда Кир вплотную подошел к Кацу и надрывно затараторил:

— Ты давно их заметил? И что значит «не наши следы»? Чьи же они, по-твоему?

Кац усмехнулся:

— Ишь как заговорил. Как нормальный человек! — С Кира, действительно, слетела его привычная манера выражаться литературно. — Ничьи. Это даже не следы.

Тут вдруг Дан услышал свой собственный голос будто бы со стороны:

— Обычные ямки... Просто очень... Очень-очень похожи.

Кир покраснел, сделал шаг назад и прищурился:

— Ах вы так...

Дан хотел было объяснить, что он не имел в виду ничего такого; что он действительно так думает — но в его голове все еще клубился туман, и мысли расплзались по углам бесформенными зыбкими клочками. Они оба — и Кир, и Кац — были решительно неправы, но Дан все никак не мог ухватить, в чем именно.

— Значит, так, — голос Кира срывался, — или вы прекращайте эти ваши...

Кац сплюнул и процедил сквозь зубы:

— Загадай число.

Кир умолк.

— Загадай любое число. Про себя.

— Хватит...

Повисла глухая тишина. Наконец Кац провозгласил:

— Сто два.

Кая громко и зло рассмеялась, а Дан вздрогнул. Он сам колебался между ста двумя и двенадцатью. Кир побагровел и медленно двинулся на Каца, сжав побелевшие кулаки.

— Закрой рот...

Но рот Каца было уже не остановить:

— Двенадцать! Тысяча двести! Пять...

Вдруг он сам замолчал и замер, вскинув руку. Позади них

что-то тонко и протяжно сипело — словно воздух, выходящий под давлением из пробитого понтона.

Дан обернулся и сразу понял, в чем дело. От плотной стены тучи отделялись тонкие серебряные струйки — они били из нее ключом, разливались по полю, стремительно заполняя собой все вокруг. Как вода через пробитый борт.

Когда он повернулся обратно, Кац уже рывком поднял сестру за шиворот и впихнул в руки оторопевшего Кира тяжелую сумку. И тогда они побежали — спотыкаясь о камни, путаясь в траве, увязая во влажной земле. С каждым шагом она делалась все более зыбкой, скользкой, пахучей. Казалось, еще чуть-чуть — и она окончательно перестанет изображать твердость, пойдет рябью и просто проглотит их с протяжным бульканьем.

И ведь накаркал! На краю крутого оврага почва под ногами Дана вдруг поползла, зачавкала; не успел он как следует испугаться, как она подхватила его и потащила вниз, в мутную болотную темень.

Овраг оказался совсем неглубоким. Вот, прямо перед ним виднеются лица его товарищей — испуганные, растерянные. Белые пятна на белом фоне. Дан попробовал дернуться к ним, но не сдвинулся с места. Вся его нижняя часть тела слилась с жидкой грязью, и он не мог даже пошевелить ногами. Он беспомощно поднял голову и на этот раз увидел уже лишь одно лицо — оно стыдливо отвернулось и тут же исчезло из виду. Наверное, в этот момент оно полагалось на здоровый

СМЫСЛ И ЛОГИКУ.

А Дан остался один.

«Век живи — век учись», — сказал как-то раз Мэй Роун. Она тогда еще совсем маленькая была и даже не поспорила с ним. Век казался ей сроком решительно невообразимым. А век — это всего-то сто лет. Разве чему-нибудь толковому за это время научишься? И самое главное — кто бы говорил!

Ми Ра с силой оттолкнулась ногами от глянцевой керамической поверхности и легко заскользила по зеленоватой водной глади. От воды сильно пахло ореховыми листьями и маслом. Когда до противоположного борта оставалось двенадцать с половиной шагов, она, улучив момент, оттолкнулась от поверхности руками и ногами, вытянулась в воздухе в струнку и щучкой нырнула в изумрудные глубины.

И вдруг тело ее безвольно ослабло, широко раскрытые голубые глаза бессмысленно уперлись в клетчатое дно, а руки и ноги повисли, как у внезапно получившей свободу марионетки.

Ми Ра замерла. Постаралась исчезнуть, раствориться в темной воде. Там, снаружи, снова что-то происходило — прямо сейчас. Она буквально кожей чувствовала, как мир вдруг словно бы превратился в однородную, очень прочную, но очень хрупкую субстанцию — как стекло или, скажем,

хрусталь. Аж звенел! Его будто распирало изнутри собственным давлением — слегка дотронешься — и тут же треснет. И самое главное — совсем непонятно было, что бы тогда случилось. Противное чувство.

С миром иногда такое случалось. Наверное, в такие моменты в каком-то дальнем его уголке кто-то делал какую-то ужасную глупость — и шаткий порядок на время нарушался; карточный домик начинал угрожающе покачиваться, так и напрашиваясь на роковой порыв ветерка. Было такое и совсем недавно — именно тогда, когда со стороны моря пришла последняя буря. Но на этот раз все было гораздо хуже.

Какое-то время Ми Ра умудрялась не думать вообще ни о чем. Потом начала рассматривать узор из плитки, какой было выложено дно. Странный узор — вроде как картинка, но только если издалека смотреть, и вся квадратами. Коричневые плитки на фоне бежевых. А потом и вовсе не выдержала и начала думать всерьез. Правда, на безопасную, спокойную тему — сегодняшний удачный поход.

Дело в том, что для шкатулок подходят совсем не любые детали. Ну то есть, конечно, да — у Мэй Роуна они выходят вообще из всякого хлама — но у него-то и опыт ого-го. Век жил — век учился.

Но если взять, к примеру, камень — ну на что он годен? Он только и может, что упасть — и то если перед этим его как следует поднять. Конечно, он всколыхнет воздух, когда будет

проталкиваться сквозь него, разбрасывает песчинки при ударе, примнет травинки. Вибрации там всякие пойдут. Но ведь в целом — ничего особенного. Если, разумеется, не прямо сейчас — сейчас и камнем можно делов наделать...

Ми Ра моргнула, усилием воли переводя течение мыслей в более безопасное русло.

Именно поэтому она старалась для своих шкатулок найти что-нибудь эдакое. Что-нибудь интересное. И вот сегодня — такая удача! Вроде начиналось все как обычно — пришла она как обычно, рылась себе в темноте как обычно, а там, наверное, глаза еще не успели привыкнуть — в общем, заблукала немного.

Сначала наткнулась на комнату с большущим толстым столом посередине — над ним торчали из стены какие-то носики, а под каждым носиком — рычаг. Скучно.

Тогда спустилась по хлипкой лестнице в подвал — там тесная такая каморка, а в ней бочка. Необычная! Во все стороны от нее расходились крупные железные лепестки, да и сама посудина казалась очень прочной и тяжелой — делали ее явно на совесть. Собралась она уже уходить, как вдруг чувствует — тепло на руке, будто на солнце вышла. Она, значит, к бочке — и точно — греет! Так она даже сначала расстроилась — как же ее до мастерской дотащить?

В общем, долго она там провозилась — но все-таки смогла раскурочить несчастный сосуд и вытащить из него все самое интересное. Много было интересного, но с собой взяла

лишь самую маковку — блестящую такую, узкую склянку. Она, как в руки ее взяла, сразу поняла — вот это вещь! Маленькая, в ладони помещается — но чувствуется, что штука с характером. Выбралась она оттуда счастливая, потная и грязная — аж чесалась вся — так сразу и пошла купаться.

Ми Ра осторожно осмотрелась и начала медленно всплывать. Очень хотелось поскорее приступить к работе. Тихо, без малейшего всплеска высунула голову — и облегченно вздохнула. Мир наконец-то перестал шататься; снова стал мягким и гибким.

С шумом и брызгами Ми Ра подплыла к борту и взобра-лась на гладкую холодную плитку. Подошла к большому на-польному зеркалу и скептически покачала головой, глядя на стекающие с нее ручьи. Рановато она все-таки вынырнула — даже сухой из воды не удалось выйти.

Глава четвертая

Вся одежда промокла насквозь и оттого тут же прорвалась сразу в нескольких местах. Снова. Это была главная беда полотна из нитчатки — стоило ему хоть чуть-чуть намокнуть, так сразу и расплзлось. Другое дело — рыбацкие плащи! В таких ни брызги, ни шквальные ветра не страшны — они покрыты тонким слоем пленяка, на манжетах — тугая шнуровка. Но таких было не достать. Плащ — вещь мастеровая, и каждый рыбак хранил и оберегал ее как сокровище.

А тут еще и ноги скрутились каким-то совсем уж нелепым образом — казалось, еще чуть-чуть — и ветхое убранство и вовсе разойдется по швам. Дан попробовал было расправить конечности и сесть, но уперся головой в низкий и темный земляной свод. В животе тут же что-то сжалось, комок тошноты подступил к горлу. Стараясь не паниковать, Дан пополз ногами вперед — туда, где совсем недалеко посреди темноты зияло мыльное серо-белое пятно. Пятно медленно разрасталось, становясь при этом все более мутным, грязным и серым.

Сначала Дану показалось, что отныне только так и будет — только серое однородное марево, только влажная тесная темнота. Но постепенно глаза привыкли к свету, и он начал различать детали. Серость превратилась в густую пелену ту-

мана, а темнота и вовсе осталась позади — там, в небольшой земляной норе на крутом склоне оврага.

Само же поле вдруг стало белым. Нет, не полностью белым — скорее полосатым. Узкая полоса, в которой белела земля, клонились тяжелые поседевшие колосья и приземистые кроны деревьев, — перемежалась следующей, все еще зеленой лентой. Та же местами то ширилась на десятки метров, то почти исчезала, зажатая с двух сторон резкими белоснежными росчерками. Полосы сменяли друг друга, кривились по одним им ведомым законам, осторожно огибали холмы, смыкались расходящимися кольцами вокруг деревьев — и никогда не пересекались.

Дан осторожно протянул руку — темное пятно на слепящем фоне — и коснулся земли. Рука легко погрузилась в мелкую пыль — как показалось, невесомую и совсем сухую; от прикосновения она даже взметнулась вверх полупрозрачным облачком, да так и осталась висеть в воздухе, словно густой обрывок тумана.

Это был снег. Совсем не такой, каким он обычно бывает, — тяжелым, комковатым, пропитанным печным дымом, хлюпающим и скользким. Но Дан не успел обратить на это внимание, потому что воздух вокруг него вдруг тонко зазудел, мелко задребезжал; задрожали белые полосы, поднимая в воздух тонкие струйки снега, по телу прокатилась волна нехороших болезненных мурашек. Беспokoйно зашевелились волосы на макушке, засадили веки. В пальцы будто бы

впились тонкие и длинные иглы — у самых кончиков они лишь противно свербили, затем шли дальше по руке, превращаясь в клинья, и сводили мышцы в мертвой судороге. Казалось, еще немного — и он весь застынет на месте; его припорошит белая снежная пыль, окончательно превратив в неподвижную гипсовую статую.

Но тут нетерпеливо подрагивающий воздух вокруг Дана наконец не выдержал и звонко треснул. Из-под ног взметнулись облачка снега вперемешку с яркими желтыми искрами, что-то пронзительно и тонко запищало, и по всему его телу пробежала острая обжигающая волна. Дан судорожно, рывками, втянул в грудь воздух и при этом закричал каким-то неслышанным образом — прямо так, на вдохе. Заболело все и сразу — от ушибленного колена и сорванного горла до прикушенного когда-то языка. Руки и ноги тут же яростно заходили ходуном, морозный холод впился в самые кости, легко пробравшись в изможденное тело. Но самое неприятное — наконец-то заработал рассудок, и Дану стало страшно.

Сразу захотелось забиться обратно в берлогу, из которой он только что вылез, — вжаться спиной в землю, укрыться туманом, да так и лежать — словно поваленное дерево, замшелый валун, грудка грязи. Дан помнил, как он скатился в овраг — но совсем не помнил, как оттуда выбрался. Он помнил, как они бежали, скрываясь от тумана, — но никак не мог понять, куда именно. А самое главное — он все не мог придумать, куда ему бежать теперь. Куда — и зачем. Всю его

жизнь что-то не давало ему сидеть на месте; все гнало и гнало вперед. И ведь каждый раз становилось только хуже! Дан даже ногой топнул — в каком-то детском, беспомощном отчаянии.

Послышался глухой всплеск. Земли под ногами уже не было — по всему бескрайнему полю разливалась огромная, но неглубокая лужа. Вода проступала прямо из земли — бесшумно, без единого всплеска или пузыря. Ровная гладь, из которой торчали голые жухлые стебли, казалась совсем матовой — в ней не отражалось ничего, кроме тумана и низкого серого неба. Это и была сама серость — густая и концентрированная. «Раствор серости», — подумал Дан с отвращением, вспомнив школьные уроки химии — и машинально зашагал вперед, свирепо разбивая сапогами ненавистную гладь на сотни мелких матовых брызг.

И сразу же стало легче. Он шагал и шагал, как заведенный, — и сам не заметил, как вода вместе со всеми его сомнениями осталась позади, а перед глазами снова замелькали белые и зеленые ленты. Снежные полосы теперь стали совсем узкими, но куда более беспокойными — воздух в них беспрестанно колыхался туда-сюда, закручивался вихрями, подхватывал невесомые снежинки и тащил их обратно в серое небо. Поднимаясь вверх на несколько человеческих ростов, они застывали и смазывались в сплошное поскрипывающее марево. Иногда такие переливающиеся всполохами искр тучи нависали довольно низко, и Дану приходи-

лось пригнуться, проходя под ними. Наконец, тучи нависли со всех сторон над самой землей, превратившись в стены — и он оказался в тупике.

Дан остановился, растерянно оглядываясь по сторонам. Пути назад не было — с двух сторон его зажимали уходящие в самое небо снежные валы. Теперь уже не эфемерные пушистые облачка, — а самые настоящие валы: плотные, неуклюже ворочающиеся и злобно потрескивающие. Тогда он пошел вперед, вдоль — по узкому зеленому коридору. В некоторых местах стены почти соприкасались друг с другом, и тогда привычные уже иглы в конечностях впивались с новой силой, а между пальцами разрасталась призрачная голубая паутина. Приходилось стискивать их в кулаки и прижимать к бедрам, горбиться и втягивать голову в плечи.

А еще зуд. Теперь он не просто противно пищал над ухом — теперь он разросся, басовито зарычал по-хозяйски, — словно сотни далеких раскатов грома слились в сплошной непрерывный гул. Иногда он вдруг полностью пропадал на несколько секунд — и внезапная тишина казалась еще более угрожающей.

И вот в очередной неожиданно наступившей паузе Дан вдруг отчетливо услышал то, к чему был меньше всего готов. Он чуть даже не подпрыгнул на месте — где-то совсем рядом, будто бы в соседней комнате — кто-то разговаривал! Даже вернее было сказать, спорил. Голоса звучали приглушенно, как за закрытой дверью, и слов было не разобрать,

— но эти привычные желчные интонации он бы ни с чем не спутал.

Дан колебался не дольше секунды. В конце концов, в его пути не было никакого смысла — все линии на поле замыкались в окружности, и рано или поздно он просто сделал бы круг — сколько бы на это ни ушло времени. Мысль эту он старательно прятал, и теперь она с облегчением выпрыгнула, поставив жирную точку в его сомнениях.

Выставив вперед руки и зажмурившись, он ринулся прямо в снежную стену. Тело окатило ледяной волной, мгновенно промокла только-только высохшая от быстрой ходьбы одежда; перед глазами что-то горело и взрывалось, в ушах визжало и скрипело, но Дан упорно проталкивал себя вперед. Наверное, было очень больно, но он этого уже не почувствовал. Да и вообще он ничего не успел понять, потому что уже спустя несколько секунд все вдруг резко прекратилось.

Стало тихо — ни привычного гула, ни голосов. Только от одежды с приглушенным шипением обильно валили клубы пара, из-за которого поначалу ничего не было видно. А потом дымка рассеялась, и Дан увидел своих товарищей.

Кир сидел, прислонившись спиной к полуистлевшему пню, а Кац задумчиво ковырял тростинкой в серой матовой луже. Он мельком взглянул на Дана, вздрогнул и тут же отвел глаза, с нарочитой деловитостью принявшись поднимать со дна лужи муляку.

Дан смутился и оттого сказал почему-то шепотом:

— Эй!

Кир начал устало оборачиваться, да так и замер на полпути; все лицо его как-то вдруг перекособочилось и сжалось. Он рванулся было встать, но поскользнулся на влажной земле и шлепнулся в лужу, обдав Каца мутной жижей. Кац же отреагировал более сдержанно: тяжело вздохнул и нехотя обернулся.

— Вы чего? — Дан растерялся еще больше и все продолжал шептать. — С вами все хорошо?

Кац, поколебавшись, протянул, глядя в землю:

— Да мы-то живы... А ты, это... ты как?

Дан нахмурился. Он хорошо знал этот его тон — враспяжечку такой, будто бы ленивый. Сомнений быть не могло — Кац боялся! Боялся и храбрился. А тут еще вода захлюпала — это Кира затрясло крупной дрожью.

— Живой, — прогудел Дан вслух недовольно, — а мог ведь и там остаться! Хороши вы, конечно, — только ваши спины и видел...

— Ну, — Кац задумчиво прищурился, — мы вообще-то за тобой вернулись...

— Что-то не припомню... Кир, да черт тебя возьми, что с тобой такое?

Кир пялился невидящими глазами куда-то поверх головы Дана, его губы то и дело шевелились, но слова так и не слетали с них. Вдруг Кац с силой пнул его в плечо и бешено рявкнул:

— Хватит трястись! Смотреть противно...

Киру не помогло — он лишь опустил глаза и невнятно забормотал что-то себе под нос. Зато помогло самому Кацу — он весь как-то подобрался и с вызовом уставился прямо в глаза Дану.

— Он хочет сказать, — спокойно и даже вежливо объяснил он, — что мы за тобой все-таки вернулись, но опоздали. Что когда нашли тебя наконец, то ты уже не дышал. Хочет сказать, что ты умер.

Какое-то время Дан старался понять, что тот хотел этим сказать, но в конце концов только глупо усмехнулся:

— Прямо-таки и умер... И что же вы?

— А что мы, — махнул рукой Кац, — мы, натурально, перетрусили. Чего еще нам оставалось?

Дан совсем растерялся. Вроде бы стандартные его шуточки, но уж как-то слишком не смешно выходило.

— А я, получается, воскрес.

Кац рассудительно развел руками:

— Выходит, что да, — сказал он и добавил едва слышно.

— Воскрес и пришел. И сейчас опять куда-то пойдет...

— Конечно, пойду, — возмутился Дан, — не знаю, что на вас такое нашло, но не сидеть же вечно в этой луже...

И тут наконец очнулся Кир. Он вскинулся и заозирался по сторонам:

— Опять? Опять бежать?

Глаза у него были мутноватые. Дрожать, правда, перестал,

хоть все еще и сидел в ледяной воде. Кац тоскливо оглянулся на обступившие их со всех сторон снежные стены.

— Ну хорошо, — вздохнул он, — только ты сразу говоришь, куда и зачем. Идет?

Дан начал молча собирать сумки, в беспорядке разбросанные по небольшому оврагу. Свою перекинул через плечо, одну аккуратно оставил у ног Кира, одну впихнул в руки Каца.

— Да ты оставайся, если хочешь. Вот здесь. — Он с ненавистью ткнул пальцем в неподвижную водную гладь, медленно расплзающуюся по оврагу. — Или здесь. — Махнул рукой на серое марево, клубящееся над землей. — Пожалуйста. Растворишься в этом, никто и не заметит.

Кац помолчал, прищурившись, а затем хмыкнул и взял в руки сумку. Другой рукой, не глядя, он потянул за плечо Кира, и тот безвольно поднялся, вцепившись в свою поклажу.

— А это кто понесет? — спросил Дан, протягивая последнюю, четвертую сумку.

— Не я, — тут же заявил Кац тоном человека, уверенного в своей правоте совершенно. — Я ее все время тащил, от самого берега. Ваша очередь!

Прямо сейчас на Поле расцветали вишни, узкой полосой протянувшиеся от одного берега до другого. Это должно было случиться уже давно, но они всегда так — тянут до по-

следнего, все ждут чего-то. Вот и сейчас растолкала их только непогода, волной прокатившаяся по всей земле. Еще не ушла под землю вода, не растаяли под робким солнцем груды рыхлого снега, — а серая полоса приземистых деревьев уже торопливо розовела, словно бы смущаясь своего промедления.

На это стоило взглянуть — хотя бы на мгновение, хотя бы одним глазком. Вроде и видел уже это бесчисленное множество раз — а все одно красиво. Ми Роун легко поднялся из кресла и открыл глаза. Ничего не изменилось — его вечный друг, привычная непроницаемая тьма, никогда не покидала его. Но под ногами захрипела мягкая коридорная пыль, подозрительно напоминающая старую, истоптанную ковровую дорожку. У выхода он на секунду остановился и, какое-то время поколебавшись, все-таки кивнул в сторону бесформенной груды кирпичей. Возможно, внутри сидел сторож — тихий и невзрачный, вечно клюющий носом всеми любимый старик-алкоголик.

На улице бушевала метель. Только вышел — так сразу и навалилась, залепила липким снегом глаза, склеила буйную кучерявую шевелюру в тяжелый бесформенный куль. Пригнувшись и поплотнее закутавшись в халат, Ми Роун торопливо засеменил через площадь, лавируя между гигантскими сугробами клумб. Навалившись всем своим костлявым телом на стеклянную створку, он ворвался в вестибюль — и напоролся на низенького округлого мужичонку, который тут

же решительно преградил ему дорогу.

— Ага! — закричал он как-то жалобно. — Попались!

— Я спешу, — нарочито сухо заметил Ми Роун, огибая препятствие.

Он не соврал — вишни обычно распускались очень быстро, буквально за считанные минуты. Но не тут-то было — молодец был настроен отчаянно.

— Не пущу! — выдохнул он, загоразивая собой высокие двустворчатые двери. — И даже, знаете? Буду жаловаться!

Ми Роун тяжело вздохнул.

— Ну хорошо, что вы хотите?

— Бога ради... заберите вы уже от меня своих монстров! Работать не могу, есть не могу... курить даже противно! Гадость невероятная!

Ми Роун замялся.

— Ааа... Вы про саранчат? Ммм, нет, это уж извините, мы договорились, чтобы они у вас пока пожили. А будете жаловаться — с вас в первую очередь и спросят, что за террариум вы на службе развели... Так что потерпите еще недельку. Или две.

Толстяк взвыл:

— Да они же меня сожрут!

Но тут раздался пронзительный звон колокольчика, и он дрогнул, разрываясь между долгом и отчаянием. Ми Роун решительно отодвинул его в сторону и похлопал по плечу:

— Ну, знаете, двум смертям не бывать...

И быстро зашагал дальше — через пустынные каменные залы, через коридоры с хрустящим под ногами битым стеклом — к ветхой, проржавевшей как решето лестнице. Он поднимался и поднимался, пока наконец не почувствовал под истончившимися за годы верной службы тапками острый зазубренный край. Тогда Ми Роун замер и пропасть — а вокруг него была именно пропасть — тоже испуганно замерла, ничем не выдавая своего присутствия. Какое-то время так они и стояли, и каждый думал о своем. Но вот его пальцы наконец дрогнули и потянули за край полотнища, укрывавшего его голову.

Разумеется, он опоздал. Вишни расцвели давно, еще вечером, а сейчас уже потихоньку занимался рассвет. До самого высокого горизонта поле разрезала блекло-розовая полоска, причудливой змейкой огибая овраги и балки. Он знал, что опоздает — для этого и пришел. Потому что было еще кое-что. Немного помедлив, он достал из широкого кармана шкатулку и открыл глаза.

Теплый весенний ветерок, который только-только осторожно было подул, тут же замер. Словно пригвожденный этим больным, несчастным взглядом голубых глаз, сощуренных от яркого света звезд.

Ми Роун внимательно смотрел на поле, на все его выпуклости и углубления, неровности и шероховатости; смотрел на звездное небо, на горизонт, на воздух. Конечно, это было очень больно. Но что же страшного в боли, которую ты

уже пережил? А он-то ее пережил, причем давным-давно — теперь оставалось лишь немного потерпеть... Пальцы уверенно заскользили по шкатулке — расчет получался первоклассный. Оно и неудивительно — с таким-то избытком материала!

Прямо перед тем, как снова закрыть глаза, Ми Роун заметил, как беспокойно скрутилось и задрожало небо над горизонтом — вероятно, обеспокоенное таким пристальным его вниманием. Кажется, Ми Ра называет это Ангелом. Но это было совсем неважно. Ангел, не Ангел — черт его знает что такое, но оно вообще никогда и ни на что не влияло. В этом-то и заключалась сама его суть.

Вдруг от полосы деревьев отделилась невесомая клубящаяся прядь; на какое-то время она застыла в воздухе, после чего мягко осела на землю, укрыв поле нежным розовым цветом. Но это был всего лишь ветер.

Глава пятая

Ветер — теплый весенний ветерок — все никак не мог уgomониться. Он снова и снова взметал вихри сорванных с деревьев лепестков, а затем мягко и бережно опускал их на землю — похоже, старался покрыть как можно больше поля этим тонким розовым одеялом. Но каждый раз оказывался недоволен результатом и пробовал заново.

Мешал одиноко растущий цветок, чернеющий посреди поляны жирной чернильной кляксой. Мешал он и Дану — он то и дело переставал жевать галеты и подозрительно шурился в его сторону. И наконец не выдержал. Встал, похрустывая затекшими членами; воровато оглянулся на сосредоточенно двигавших челюстями товарищей и невозмутимо зашагал по поляне. Немного постоял, глядя на поле, затем наклонился — вроде как проверить завязки на сапогах — и быстро сорвал тяжелый маслянистый цветок.

Сначала показалось, что запаха нет совсем. Дан даже расстроился — ему подумалось, что цветок тут же перестает пахнуть, стоит его только сорвать. Но тут он принялся повнимательнее и понял, что ошибался.

Цветок пах, и пах сильно. От него исходил запах цветущих розовых деревьев, влажной черной почвы, талого снега, галет из водорослей и преющей от постоянного промокания

нитчатки. Другими словами, цветок разом пах, как пахло все остальное вокруг Дана. Но где-то в его глубине притаились и другие ароматы, тонкие и неуловимые.

Кажется, пыли. Сухой, мелкой каменной пыли. А еще — каких-то трав, терпких и ароматных — такие ему еще не попадались — ни на земле, ни на воде. Все верно; тогда еще было очень темно, под ногами трещала битая слюда, и то и дело из мрака выныривала какая-то напасть — то здоровенный булыжник, больно раздиравший колена, то неожиданная яма, от которой замирало в груди и подворачивалась лодыжка.

А идти приходилось быстро — его уверенно вели куда-то вперед, крепко держа за руку — сквозь затхлую застоявшуюся тьму. Маленькая такая ладошка держала, до смешного маленькая и еще мокрая от пота. Но держала намертво — захочешь, а не вырвешься. Да вырваться-то было и незачем.

Вот Дан и плелся следом, набивая шишки и чертыхаясь — пересекал гудящие эхом залы и поднимался по бесконечным винтовым лестницам — аж вымотался весь. А потом, когда уж совсем запыхался, вдруг совсем без предупреждения, появились звезды. Они весело подмигивали, будто бы приглашая Дана дальше. Тогда он послушно перешагнул еще несколько ступенек — и увидел воду. Знакомый грозный вал воды на задранном к небу горизонте, и где-то там, на вершине его мрачного гребня, в области, именуемой Центром, —

маленькое, тусклое пятно грязно-бурого света.

Это был его родной гуляй-город — затравленно сгрудившиеся, тесно прижатые друг к другу блеклые огоньки посреди зловещей черной воды. Вода просто не замечала его, а если бы заметила — тут же, не раздумывая, проглотила бы, не оставив от него и лучика. Город знал это и старался занять собою как можно меньше места.

Но тут Дан поднялся еще чуть выше и вдруг понял, что и сама вода — со всей своей тяжелой, злой свинцовой мощностью, оглушающим масштабом и неумолимой системностью — и она тоже боялась. От самого горизонта перед ней растянулось поле. Дикое, беззаботное, легкое на подъем и бесшабашное; такое же суровое и жестокое, но при этом отходчивое и забывчивое. Поле совсем не беспокоилось за свои границы — ведь как вода ни старалась, как ни пыталась тайком пробраться по ночам из земли, — она никак не могла удержаться там, где начиналась воля Дикого Поля.

— Ну дела, — раздался вдруг голос Каца откуда-то из-за спины, — он опять за свое!

Он подошел и вырвал цветок из рук растерявшегося Дана.
— Не учатся ничему некоторые, и ведь учиться не хотят, — заметил он, задумчиво повертев в руках стебель. — Тащат к лицу всякую гадость, травятся! Потом мучаются всю ночь, лезет из них, извиняюсь, как только может...

И вдруг — Дан только руку успел вскинуть — поднял цве-

ток и осторожно понюхал. Дан затаил дыхание. Какое-то время Кац молчал, а затем удивленно задрал свои густые брови.

— Странный ты человек, Дан, — наконец сказал он уважительно, — воняет же страшно!

Отбросил цветок в сторону, да и пошел обратно к Киру. И хоть бы что ему! Дан совсем уже растерялся — вот любой реакции ожидал, но только не такой.

До него доносилось деловитое чавканье, хлюпанье и прочие звуки обеда. Время от времени слышались одобрительные возгласы Каца; вот уже и Кир начал подавать голос — видать, потихоньку приходил в себя. А Дан все стоял и смотрел на уходящую вдаль розовую полосу гая. Он знал — там, за деревьями, в неглубоком овраге, бежала небольшая быстрая речка. Дальше она уходила под землю и выныривала обратно уже около берега, успокаиваясь и расширяясь. Все это он видел своими глазами, но не как сейчас, а с высоты — неестественно большой высоты; от нее захватывало дух, подгибались колени, а руки отчаянно цеплялись за острый проржавевший поручень. Можно было подумать, что он взобрался на самый горизонт, горой вздымающийся в серой далекой дымке, — но нет; всякий знает, что это не более чем обман зрения. Нет на горизонте никаких гор, никаких водяных валов.

Дан рассеянно обернулся, мысленно проводя линию, откуда он смотрел на поле, — да так и замер. Даже судорогу в круто вывернутой шее не заметил.

— Эй! — закричал он угрожающе, подбегая к товарищам. Угрожающе-то угрожающе, а голос предательски дрожал.

Кир вздрогнул и испуганно вскочил с места, а Кац только зыркнул злобно — очень не любил, когда его от еды отрываю.

— Что это, черт возьми, такое? — спросил Дан уже тихо, указывая рукой вперед — туда, где полоса деревьев вдруг заворачивала, вливаясь в небольшой смешанный лесок.

Все уставились в том направлении, и было слышно, как шумно выдохнул Кир, а еще спустя несколько секунд Кац перестал жевать. Затем он хмыкнул и пробормотал с набитым ртом:

— Как же это мы не заметили... Вот уж действительно...

— Это телескоп! — возбужденно перебил его Кир, — я читал!

— Дурья ты башка, — заметил на это Кац, возобновляя жевание, — телескоп — это трубка с линзой, на звезды смотреть. А это... ну, не знаю... это не телескоп.

Кир только рукой махнул:

— Трубка с линзой... А тебя размеры не смущают? Как бы ты это в такую трубку смотрел? Это, значит, радиотелескоп! Видишь, вот эта миска — это...

И действительно — что бы это ни было, размеры у него были чудовищные. Да это и было чудовище — рваное, увитое узлами тросов и труб, все сплошь в свисающих железных лохмотьях. Видно было, что когда-то поле пыталось все это

скрыть, замаскировать — тут и там из ржавых темных внутренностей пробивались робкие зеленые побеги молодых деревьев — но по итогу просто махнуло рукой, устранившись масштаба работ.

— ... а ты что думаешь, Дан?

Дан ничего не знал о телескопах — ни об обычных, ни о радио. Про последние он и вовсе-то впервые слышал.

— Что думаю? — он выразительно посмотрел на Кира. — Думаю, что мы могли бы и раньше его заметить.

Громада нависала совсем близко, загорая собой добрую часть неба. Так близко и так высоко, что если бы солнце выглянуло из-за туч — то и они, и вся лужайка оказались бы в ее тени.

— ... и не только этот твой телескоп. Вы глаза-то разуйте наконец.

Дан повел рукой по сторонам, и все послушно завертели головами. Какое-то время они только ошарашенно молчали, впервые обращая внимание на серые остатки каменных стен и столбов, бесформенные кучи ржавчины, причудливо свернутые в спирали и дуги железные штыри... Все это было во-круг, совсем рядом — только руку протяни. Даже полянка, на которой они сидели, теперь казалась какой-то подозрительно плоской и пустоватой. А рядом с деревом, оперевшись на его тщедушный ствол, косился набок рыжий скелет некогда каменного столба.

Да что там полянка! Вон, вдалеке виднеется просека, око-

ло которой они давеча ночевали. И вот прямо там, где они обустроивали лагерь — теперь там объявилось невысокое квадратное строение с четырехскатной крышей. Торчало, словно шляпка гриба на воде.

Кац, все еще сжимавший в руке галету, нерешительно отложил ее в сторону. Лоб наморщил, помалкивал — видать, прикидывал, чего еще такого они могли пока что не заметить. И правильно прикидывал! А вот Кир — тот совсем другое дело. Он все стрекотал и стрекотал, восхищенно тыча куда-то пальцами — прямо на глазах оживал, превращаясь в прежнего себя.

— ... так что это цемент. Ну или бетон, не помню, в чем там разница...

— Та не зуди ты своим цементом, — раздраженно процедил Кац, зачем-то внимательно рассматривая почву под ногами, — начитался...

— Танк! — перебил его Кир восторженным воплем, указывая рукой в сторону неглубокой канавы, сплошь заросшей густым кустарником.

Угловатые, усеянные колючками и острыми серебристыми листьями ветви сплелись в некое подобие гнезда, — а внутри, действительно, виднелось что-то крупное, ржавое, бессмысленно угрожающее.

— Дан, ты знаешь, что такое танк?

— Не знаю, — честно признался Дан, стараясь зацепиться глазом за что-то надежное; что уже никак вдруг не изменит-

ся, не выкинет никакого сюрприза.

Он старательно выслушал пространное объяснение про гусеницы и колеса, пушки, пулеметы и прочие механизмы, но так почти ничего и не понял. Зато Кац вдруг весь подался вперед.

— Во что же они собирались... ну, стрелять? — спросил он, забыв даже скрыть удивление.

— Не помню, — пожал плечами Кир. — Кажется, в людей...

— Друг в друга? — прыснул от неожиданности Кац. — Это зачем?

Он немного помолчал и уверенно махнул рукой, не дожидаясь ответа:

— Чушь. Опять же, как вообще можно было из этого стрелять? Я как понял, ядро на бешеной скорости вылетало из пушки, да? Так оно бы тут же отскочило, куда ни попади, и прилетело бы обратно, в сам танк. А еще скорее — прямо ему в дуло! Вот ему бы и конец тогда. Ты бы лучше меньше читал и больше думал...

Кир потупился, и на какое-то время все замолчали. Было отчетливо слышно, как гулко хлопают на ветру железные лохмотья телескопа. Боммм, боммм — с идеально ровными промежутками, будто большие химические часы на главной городской площади в полдень. Наконец Кир осторожно заметил:

— А знаете, хорошо все же, что теперь тут нет никого. А

то все-таки поди их пойми...

Кац горько усмехнулся:

— Вот и я о том же думаю! Уж если бы они здесь были, мы бы их точно заметили, да?

Какое-то время до Кира доходил смысл этих слов. Затем он отшатнулся.

— Да ты что... это же все... это все тысячу лет назад было! Нет тут уже никого, тут вообще жить нельзя! Забыл, что ли? Мы же проверили, никак совсем...

— Да-да, — кивнул Кац, — только вот мы живем пока и не жалуемся. Почти.

И снова все замолчали. Даже телескоп на время перестал грохотать своими ржавыми листами, будто задумавшись. Дану вдруг почему-то подумалось, что он может задать телескопу любой вопрос. Любой-любой. Главное, так сформулировать, чтобы тот смог ответить. И побыстрее!

Дан в панике заметался, пытаясь выудить из кипы мыслей в голове ту самую, единственно важную и ключевую... «Сколько мне лет?» — четко и ясно проговорил он в голове вопрос и сам поразился его решительной бестолковости.

Тут же поднялся легкий ветерок, и телескоп послушно забил: бомм, бомм, бомм... Отбил двадцать шесть раз — и снова затих. Дан раздосадованно пнул ногой сумку. Ответ был правильный.

Из сумки выкатилась замотанная в нитчатку галета, которую тут же ловко подхватил Кац.

— Ты не против? — вежливо спросил он, указывая галетой на свой ненасытный рот.

Дан с досадой отмахнулся, и Кац немедленно принялся жевать. Быстро разделавшись с едой, он подошел к Киру и похлопал его по плечу.

— Ты не переживай. Правильно говоришь: нет тут никого, и быть не может. И мы тоже тут особо не задержимся — еды-то у нас больше нет!

Кир растерянно пошарил рукой в своей сумке:

— И что ж нам теперь делать?

— Ну, — Кац развел руками, — можно надеяться, что за нами приплывут и заберут нас. Опять же, на берегу холодца полно...

— А... куда же мы тогда идем?

— А это ты вот у Дана спроси. Я не знаю, зачем мы вообще тут мозоли натираем.

Кир уставился на Дана, и глаза его не выражали ровно никакой мысли. Дан огрызнулся:

— Да что ты уши развесил? Нашел кого слушать!

— Вот как заговорил... Сейчас еще скажет, что надо просто идти дальше!

Дан обернулся к Кацу:

— Еще как скажу! Хочешь обожраться гнилого студня и протянуть ноги в воду — я не запрещаю...

Кир тихо спросил:

— Так а правда, Дан... куда мы идем?

Дан вздохнул, переводя дух:

— Ну вот что ты такое спрашиваешь... — и добавил, помолчав: — но я вам вот что скажу — недооценили мы землю.

— Да ну, — ехидно вставил Кац.

— Да. Кто-то догадался, почему мы все-таки живы?

— Ну, Кац вот говорит...

— Он много чего говорит, — махнул рукой Дан. — У этого реалиста даже полный стакан наполовину пуст... Я сразу как очнулся, как кости бросил — так думал, все — конец. Сейчас превратится голова в камень, или просто поскользнемся насмерть все на ровном месте, или еще там чего... Но нет, живем. А почему?

В пустых глазах Кира промелькнула чахлая, тусклая искорка надежды. А Кац, сосредоточенно прищурившись, вдруг заметил:

— Хочешь сказать, что наименьшая вероятность...

— Именно, — кивнул Дан. — Самое невероятное, что мы вообще могли сделать — это выжить. Именно потому так и случилось.

Помолчав, он едва слышно добавил:

— Ну и тогда... Если вы и правда меня нашли в том овраге, и я... а теперь вот живой, — Дан прокашлялся и нарочито энергично закончил, — то нас еще поди убей!

В сгустившихся темных тучах, молотом нависающих над долиной, вдруг что-то грохнуло и заревело — протяжно и басовито. И как показалось Дану, с гордостью и одобрением.

Глава шестая

Крыша древнего домика на колесах вдруг превратилась в барабан — застрекотала, затрещала в бешеном рваном ритме. Невидимый барабанщик старался как мог — то отстукивал дробные форшлаги марша, то переходил на медленный вальжный вальс, а то вдруг брал да и срывался в лихую разухабистую польку. Казалось, еще чуть-чуть — и туго натянутая кожа прорвется, а концерт обернется провалом.

Ми Ра в бешенстве толкнула скрипучую дверь и выглянула наружу. Небо заволокло черными дождевыми тучами, сильно пахло свежестью и срезанными с деревьев ветками. Барабан сразу же умолк, да только поздно — она уже заметила. Крупные белые горошины града кучей лежали у порога, тихонько ссыпались с бугорков и жалобно позвякивали — ну точно хрустальные. Ми Ра хлопнула дверь и принялась думать. Снова.

Она почти уже было вспомнила, но тут влез этот — стоит признать, довольно мастерский — барабан. А теперь уже и стараться было незачем — мысль убежала далеко-далеко, забилась в угол; поди ее теперь найди...

Это все Мэй Роун — вот уже третий день, как просил ее что-то принести. Свежий урожай яблок? Прочитанные за последний месяц книги? Или, скажем, вот эти новенькие чай-

ные кружки? Немного поколебавшись, Ми Ра махнула рукой. В конце концов, а не все ли равно? Пусть будут кружки. Все ж в хозяйстве пригодятся. Словно в подтверждение ее правоты, град отбил по крыше такую длинную и замысловатую сбивку, что сам в ней запутался, смазал конец и смущенно затих.

Плащ Ми Ра не надела из принципа и теперь досадливо ежилась, нетерпеливо отсчитывая положенные на остановку перед площадью секунды. Наконец над голым потрескавшимся камнем прокатился гулкий «бомм», и она поспешно двинулась дальше. Вот это был звук во всех отношениях полезный. К примеру, сегодня утром она спросонья забыла, какой теперь день месяца — так сразу же и пожалуйста: бомм, бомм... И так двадцать шесть раз. Удобно!

Стоило ей лишь ступить в глухую тень, которая стеной отделяла жилище Мэй Роуна от внешнего мира, как снаружи тут же затрещало, зашумело, зазвенело... Теперь градины выросли до размеров небольшого яблока, стали прозрачными и будто бы даже гранеными. Они неслись как ядра, тут и там высекая из темной ржавой площади ослепительные белые искры. Очень это было красиво и занятно, да время поджимало — наверняка, Мэй Роун уже заждался своих кружек. И на что они вообще ему сдались?

Мэй Роун, конечно же, ничего и никого не ждал. Он спал, закутавшись в полу халата, и очень при этом напоминал

гигантское насекомое в бесформенном узорчатом коконе. В другую полу закуталась Мока, свернувшись калачиком у подножья кресла. В полумраке помещения саму ее видно не было — только глаза; два сияющих зеленых блюдца. Глаза радостно сверкнули, по пыльному полу заелозил пушистый хвост — но на этом приветствие и закончилось. Лень ей вставать, как же.

На кухонном столе уже стояли две кружки — ее собственная, клееная-переклеенная — и гигантский кухоль Мэй Роуна. Новоприбывших Ми Ра сначала решила поставить справа; потом поколебалась немного, передвинула на противоположную сторону. Так выходило основательнее. Она собиралась уже с чистой совестью выдвигаться, как вдруг сквозь неубедительный грозовой сумрак окна в комнату ворвался плотный, непроницаемый отблеск тьмы. Затем еще один, еще — и вот уже вся кухня замерцала, медленно растворяясь в чернильной темноте. Короткие черные вспышки следовали одна за другой так часто, что ничего не пропадало из виду окончательно — и все же смазывалось, подтекало, расплывалось.

Ми Ра никогда не сталкивалась с подобным, но ничуть не удивилась. Если происходило что-то бессмысленное, ни на что не влияющее, из которого ничего не следовало и которое ни к чему не вело — то это было дело рук Ангела. Вот как сейчас — белыми нитками шито.

Однако кое-что все-таки, казалось, произошло. Из зала

донеслось приглушенное барахтанье, а затем по каменному крошеву торопливо зацокали острые когти. Мока боялась Ангела и всегда при его явлении старалась зарыться куда поглубже. Вроде и неглупая она вовсе, а все же боится. Но это у нее инстинкт, ничего с ним не поделаешь. Ми Ра вздохнула — искать ее теперь по всему подвалу... Но тут же вспомнила, что туда ей нужно было заглянуть в любом случае — подыскать немного провода для шкатулки.

Выходит, все одно там бы оказалась. Наверное, тогда и Мока все-таки нашла бы в себе силы, переборола лень — и понуро затрусилась бы вслед за хозяйкой. Нет, все определенно шло своим чередом.

— Это бесполезно, — охнул Кац, ловко отпрыгивая от тучи мелких ледяных осколков. — Ближе, чем на метр, не подпускает. Следит, сволочь.

Сказал — и ведь ничуть не приукрасил. Стоило лишь сунуться к дверному проему, как небеса тут же давали залп и сотни ледяных снарядов летели точно в цель, со свистом рассекая воздух. Одна градина — особенно крупная и тяжелая — с грохотом влетела в дряхлое перекрытие, выбив изнутри целый столб серой пыли.

— Ну что, доволен? — накинулся Кац на никак не ожидавшего атаки Кира. — Можешь объяснить, чего тебя сюда

понесло? И дураку понятно, что ничего здесь быть не может! А я говорил...

Кир задохнулся от несправедливости обвинения и даже весь покрылся пятнами:

— Да... ты... значит... — он хватал воздух ртом, не зная, с чего и начать, и почему-то решил зайти с самых слабых карт. — Здесь трансформаторы! И генератор! И... ничего ты не говорил!

Он с трудом перевел дух и закончил уже более связно:

— Если б не я, то ты бы сейчас снаружи сидел!

Кац скривился:

— Ну дурак. Да если бы мы сюда не сунулись, не было бы никакого града.

— Он рехнулся, — проблеял Кир, обернувшись к Дану.

Дан махнул рукой:

— Да кто его знает... — и быстро добавил. — Но да, тут лучше, под... цементом. Он, говоришь, крепкий?

— Бетоном, — слабо поправил Кир. — Крепким был когда-то. Теперь-то, небось, на добром слове держится.

Словно в подтверждение его слов, из темного угла, куда недавно угодил град, послышалось крайне подозрительное тоненькое поскрипывание. Дан встал и начал шарить руками в поисках сумки, которую он использовал как сидение. Только нащупывал глазами неясный силуэт в неверном сумеречном свете — и его тут же захлестывала волна вязкого мрака; и так повторялось вновь и вновь. Наконец пальцы коснулись

грубой теплой нитчатки, и Дан раздраженно обернулся к товарищам.

— Что теперь за ерунда?

Серое пятно дверного проема теперь еще больше потемнело и помрачнело; судорожно дрожа, оно будто бы плавилось и все косилось куда-то вбок.

— А ты пойди проверь, — проворчал Кац. — Только зонтик не забудь.

— Ай, неважно. Что там снаружи, нас теперь все одно не касается. Кир, что ты там говорил про подвал?

— Я думаю, там есть бомбоубежище. Это такая...

Кац — темный расплывчатый силуэт на темном расплывчатом фоне — вскочил и развел руками:

— Дан, дай-ка я тебе лучше сразу проясню... Под-вал — это под землей. Под землей, понимаешь?

Кир, только что еще окрыленный мыслью повидать настоящее бомбоубежище, тут же понуро умолк. Даже голову опустил, сраженный справедливостью довода.

— И что? — холодно осведомился Дан.

— И то. Если на земле происходит вот это — он махнул рукой в сторону подрагивающего серого пятна, — представляешь, что происходит под ней?

— Не представляю, — равнодушно заметил Дан, стараясь нащупать в сумке световой браслет. — И ты тоже не представляешь.

— А я и не собираюсь, — хмыкнул Кац, усаживаясь об-

ратно на свою сумку. — Доброй дороги.

Дан надел браслет на руку и крепко, до боли, стиснул его двумя пальцами. Хрустнула слюда, и по мутному пленяку вдруг пошли бледные зеленоватые волны света.

Ничего страшного под землей не оказалось. Не оказалось там и бомбоубежища. Там вообще ничего не было, одна лишь темнота — плотная, застоявшаяся. Световой браслет мало того что освещал лишь самого себя, так еще и периодически гас — наверное, когда до него докатывались особо мощные волны мрака с поверхности.

Дан даже расстроился — хотя совершенно ничего и не ждал от этого похода. Потоптался немного, подняв в воздух клубы мягкой пыли, походил туда-сюда да и повернул обратно.

Повернуть-то он повернул, да только обратно выйти никак не получалось. Следы вели в никуда, — а вернее, просто водили по кругу в тесном лабиринте коридоров. И нигде, совсем нигде не было ни лестницы, ни хотя бы какого-нибудь проема — лишь облупившиеся, выкрашенные некогда бирюзовой краской стены да низкий заплесневелый потолок. Стены при этом были выкрашены не полностью, а почему-то лишь до половины — и от этого и без того низкие своды надвигались все ниже и ниже.

Липкий жирный страх тесноты шевельнулся где-то за пахуой, медленно полез вверх, щекоча шею, перехватил душ-

ным обручем грудь... Казалось, что потолок вот-вот прижмется к макушке похолодевшего Дана и начнет медленно его плющить. Ему уже оставалась буквально пара сантиметров, и старался он изо всех сил, — но все-таки не выдержал. Что-то в нем как бы треснуло, и Дан сквозь барабанную дробь сердца в ушах, вдруг услышал раскатистый гулкий удар. Потолок задрожал, просыпался дождем мелких камешков и пыли и наконец отступился.

По телу пробежала волна приятного равнодушного оцепенения, ноги размягчились и поплыли. Дан уже собирался сползти по стене на пол, как вдруг волосы на его затылке снова встали дыбом.

Что-то теплое, сухое и шершавое вдруг вцепилось в его руку. Вцепилось и не отпускало; даже и не думало отпускать — чувствовалась в нем какая-то злобная решительность. И тут он вспомнил: это уже было. Только тогда он был высоко над землей, да и ладошка была холодной и влажной. И не было в той ладошке этого мрачного раздражения. Зато темнота была та же — душная, плотная, пыльная.

— Дан! Это ты? У нас это, тоже браслеты померли!

В его плечо ткнулась растопыренная пятерня Кира.

— Еле, кхм, нащупали тебя... Ну что, есть бомбоубежище?

Дан просипел, стараясь придать своему тону хоть какую-то толику человечности:

— А вы... чего за мной приплелись?

— Да потому что пошло оно все! — взорвался вдруг Кац откуда-то из-за угла.

— Не выдержало перекрытие... Кусок здоровый крыши отпал. Грохот! Пылища! А через дырку, это — темнота, хуже, чем внутри! Жуть...

Дан сглотнул. Все это время его руку лишь осторожно тянули, а теперь начали сердито дергать — сильно и резко. И говорить про это почему-то совсем не хотелось. Пришлось поддаться и сделать несколько шагов.

— Давайте за мной... Я нашел тут это, как его...

Кац даже и слушать не захотел:

— Да ты совсем сбрендил! Что ты там нашел, стен не видно...

Тут руку дернули так, что Дан чуть не растянулся на полу, застряв ногой в какой-то железной загогулине. Выбора не оставалось — приходилось повиноваться. Он едва успел хватить рукой темноту, крепко сжать полотняный край бушлата Кира и сдавленно крикнуть:

— Сюда!

Сзади слышалась возня, приглушенная ругань и торопливые увещевания, — но Дан даже не обернулся. Толку? Его тащили вперед, сквозь крошащийся камень и пыльную темень; тащили быстро и уверенно — так, как тащит баржу с глиной химический буксир. Даже звуки слышались соответствующие: фырканье, клацанье, утробное порывивание.

И ведь не одному ему это слышалось. Дан вдруг заметил,

что перебранка сзади как-то сама собою затихла и остались лишь неуверенные шаги, тяжелое хриплое дыхание, редкие ругательства вполголоса и... что-то еще. Он вдруг прямо шкурой почувал — не выдержат Кир с Кацем. Прямо сейчас. Возьмут да и дернут в разные стороны на первом же перекрестке. Слишком уж они от этого всего устали.

К счастью, никакого перекрестка на пути не попадалось. Напротив, спустя какое-то время нос сапога больно ударился о каменную ступеньку; Дан тихонько промычал товарищам что-то предостерегающее и зашагал вверх по крутой неровной лестнице. Он задыхался от быстрого подъема, ноги саднили от ушибов и царапин, но впереди — теперь он это твердо знал — впереди его ждало ночное звездное небо, высокий вал воды и крошечный лучик света на горизонте.

Из стены темноты, действительно, вдруг вырос серый прямоугольник дверного проема. Из него лился мягкий серебристый свет — клубясь, он медленно стекал вниз по раскрытым ступеням с поверхности куда-то под землю.

— Ну, что там?

Громкий шепот Каца прозвучал вдруг неожиданно близко — как будто бы шел напрямик из головы. Дан прищурился:

— Не знаю... Слишком светло...

— А свет откуда?

Свет шел прямо из стены — высокой, гладкой, вроде как слюдяной. Глаза начали понемногу свыкаться со слепящим маревом, и стало видно широкую лестницу полированного

камня с массивными железными перилами; пролет за пролетом она уходила куда-то вверх, обвиваясь вокруг квадратной ржавой колонны. Колонна, прямо как решето, была сплошь сплетена из проволоки.

— Стекланные кирпичи, — уважительно сказал Кир, постукивая по стене, — здорово!

Дан тоже постучал по мутному пыльному квадратику — очень уж приятный получался от этого звон. Глубокий, звучный — как от керамической сваи. И только тут, глядя на свою пыльную оцарапанную руку, он вдруг осознал, что никто его больше не держит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.